

ПАРТИННЫЙ СМОТР СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Партийная чистка ячеек советских писателей с первых же дней стала школой большевистского воспитания литераторов. Все вопросы нашей литературы скрестились здесь в свете одного решающего вопроса: как провалят коммунисты-писатели линию партии? На конкретных примерах творчества, общественно-литературной работы писателей-коммунистов чистка учит пониманию роли партии на литературном фронте, ставя во весь рост вопрос об ответственности коммунистов за литературное движение, о единстве литераторов-коммунистов с партией и литературной средой, о том, каким должен быть коммунист-литератор.

Об ответственности. Мы много говорим о ней за последнее время, но вот чистка обнаруживает, что — конкретно — далеко не все коммунисты-литераторы несут эту ответственность, поскольку речь идет не о «моральной» ответственности, а об активной работе, деловой практической ответственности.

Не один проверенный коммунист мялся, когда т. Магидов ставил перед собой вопрос: «Как помогаете вы Оргкомитету?»

«Да меня, знаете ли, не привлекает...»

«И как вы, коммунист с 19 года, можете так отвечать. Сам-то вы ставили перед Оргкомитетом какие-нибудь вопросы?»

Неудивительно после этого, что чистка обнаруживает партийные ресурсы, еще не использованные в литературном движении. Цельный ряд коммунистов «отвечает» за литературу пока еще платонически. Чистка здесь учит многому, она создает резкий перелом в понимании ответственности.

Сплоченность, единство коммунистов-литераторов! Чистка показывает, что групповщина в основном изжиты и только отдельные товарищи продолжают оставаться ушибленными ею (такое исключение, например, представляет т. Катаев Иван, не сумевший на чистке показать, что с «перевальством» раздался он окончательной). Но возникают огромные вопросы.

Неудивительно поэтому, что чистка обнаруживает партийные ресурсы, еще не использованные в литературном движении. Цельный ряд коммунистов «отвечает» за литературу пока еще платонически. Чистка здесь учит многому, она создает резкий перелом в понимании ответственности.

Сплоченность, единство коммунистов-литераторов! Чистка показывает, что групповщина в основном изжиты и только отдельные товарищи продолжают оставаться ушибленными ею (такое исключение, например, представляет т. Катаев Иван, не сумевший на чистке показать, что с «перевальством» раздался он окончательной). Но возникают огромные вопросы.

Неудивительно поэтому, что чистка обнаруживает партийные ресурсы, еще не использованные в литературном движении. Цельный ряд коммунистов «отвечает» за литературу пока еще платонически. Чистка здесь учит многому, она создает резкий перелом в понимании ответственности.

Сплоченность, единство коммунистов-литераторов! Чистка показывает, что групповщина в основном изжиты и только отдельные товарищи продолжают оставаться ушибленными ею (такое исключение, например, представляет т. Катаев Иван, не сумевший на чистке показать, что с «перевальством» раздался он окончательной). Но возникают огромные вопросы.

Неудивительно поэтому, что чистка обнаруживает партийные ресурсы, еще не использованные в литературном движении. Цельный ряд коммунистов «отвечает» за литературу пока еще платонически. Чистка здесь учит многому, она создает резкий перелом в понимании ответственности.

Сплоченность, единство коммунистов-литераторов! Чистка показывает, что групповщина в основном изжиты и только отдельные товарищи продолжают оставаться ушибленными ею (такое исключение, например, представляет т. Катаев Иван, не сумевший на чистке показать, что с «перевальством» раздался он окончательной). Но возникают огромные вопросы.

Неудивительно поэтому, что чистка обнаруживает партийные ресурсы, еще не использованные в литературном движении. Цельный ряд коммунистов «отвечает» за литературу пока еще платонически. Чистка здесь учит многому, она создает резкий перелом в понимании ответственности.

Сплоченность, единство коммунистов-литераторов! Чистка показывает, что групповщина в основном изжиты и только отдельные товарищи продолжают оставаться ушибленными ею (такое исключение, например, представляет т. Катаев Иван, не сумевший на чистке показать, что с «перевальством» раздался он окончательной). Но возникают огромные вопросы.

Неудивительно поэтому, что чистка обнаруживает партийные ресурсы, еще не использованные в литературном движении. Цельный ряд коммунистов «отвечает» за литературу пока еще платонически. Чистка здесь учит многому, она создает резкий перелом в понимании ответственности.

Сплоченность, единство коммунистов-литераторов! Чистка показывает, что групповщина в основном изжиты и только отдельные товарищи продолжают оставаться ушибленными ею (такое исключение, например, представляет т. Катаев Иван, не сумевший на чистке показать, что с «перевальством» раздался он окончательной). Но возникают огромные вопросы.

Неудивительно поэтому, что чистка обнаруживает партийные ресурсы, еще не использованные в литературном движении. Цельный ряд коммунистов «отвечает» за литературу пока еще платонически. Чистка здесь учит многому, она создает резкий перелом в понимании ответственности.

Сплоченность, единство коммунистов-литераторов! Чистка показывает, что групповщина в основном изжиты и только отдельные товарищи продолжают оставаться ушибленными ею (такое исключение, например, представляет т. Катаев Иван, не сумевший на чистке показать, что с «перевальством» раздался он окончательной). Но возникают огромные вопросы.

Неудивительно поэтому, что чистка обнаруживает партийные ресурсы, еще не использованные в литературном движении. Цельный ряд коммунистов «отвечает» за литературу пока еще платонически. Чистка здесь учит многому, она создает резкий перелом в понимании ответственности.

Сплоченность, единство коммунистов-литераторов! Чистка показывает, что групповщина в основном изжиты и только отдельные товарищи продолжают оставаться ушибленными ею (такое исключение, например, представляет т. Катаев Иван, не сумевший на чистке показать, что с «перевальством» раздался он окончательной). Но возникают огромные вопросы.

Неудивительно поэтому, что чистка обнаруживает партийные ресурсы, еще не использованные в литературном движении. Цельный ряд коммунистов «отвечает» за литературу пока еще платонически. Чистка здесь учит многому, она создает резкий перелом в понимании ответственности.

Сплоченность, единство коммунистов-литераторов! Чистка показывает, что групповщина в основном изжиты и только отдельные товарищи продолжают оставаться ушибленными ею (такое исключение, например, представляет т. Катаев Иван, не сумевший на чистке показать, что с «перевальством» раздался он окончательной). Но возникают огромные вопросы.

Неудивительно поэтому, что чистка обнаруживает партийные ресурсы, еще не использованные в литературном движении. Цельный ряд коммунистов «отвечает» за литературу пока еще платонически. Чистка здесь учит многому, она создает резкий перелом в понимании ответственности.

Сплоченность, единство коммунистов-литераторов! Чистка показывает, что групповщина в основном изжиты и только отдельные товарищи продолжают оставаться ушибленными ею (такое исключение, например, представляет т. Катаев Иван, не сумевший на чистке показать, что с «перевальством» раздался он окончательной). Но возникают огромные вопросы.

Неудивительно поэтому, что чистка обнаруживает партийные ресурсы, еще не использованные в литературном движении. Цельный ряд коммунистов «отвечает» за литературу пока еще платонически. Чистка здесь учит многому, она создает резкий перелом в понимании ответственности.

Сплоченность, единство коммунистов-литераторов! Чистка показывает, что групповщина в основном изжиты и только отдельные товарищи продолжают оставаться ушибленными ею (такое исключение, например, представляет т. Катаев Иван, не сумевший на чистке показать, что с «перевальством» раздался он окончательной). Но возникают огромные вопросы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРАВДА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

З. Багрянцова, С. Дьячкова, М. Молдава, В. Яковина, А. Селюк, А. Сельвинского, М. Субочного, М. Серебрянского, М. Чарноев, Е. Успенев.

ЦЕНА 20 КОП.

17
СЕНТЯБРЯ
1933
43 (298)

ПУТЬ К ПРАВДЕ

В людях

«Детство многих тысяч безвестных Иванов. Костромские глухие края, деревня, бедность. Всей семьей уходят батрачить. Отец — плотником, сплавщиком. Потом, повзросливши в уме, исчезает где-то на российских дорогах. Он искал правды. Где она, правда? В каком углу неслышной, голодной, замученной страны? Не дойти, не найти...»

Вслед за отцом выходит на поиски сын, мальчик с русским именем Ваня Касаткин. Торгуя копеечными книжками по трактирам. Сам читает, притихнувшись у притоки. Не мновать и горького города на слиянии великих рек: Нижний. В учении у золотых серебряных дел мастера. Масленщик на пароходе. Зимам слесарит по затонам. Первый подступ к твердыням отечественной индустрии: Сормово. Новый член в семье молодого пролетариата — Иван Касаткин. Вечерние курсы. Первые встречи с негальщиками. И вот он — Питер.

СТИШКИ

Электростанция на Фонтанке. Касаткин — масленщик. На ночной смене, стоя у тысячесильной машины, пишет урядкой стишки. Издает рукописный бюллетень: предтеча нашей заводской стеновки. Знакомый механик, не спросив, посылает тетрадку со стишками. Из тетрадки подпадает к редактору «Практического вестника» поэту Константину Сулковскому. Мститово, мракосудно на по сердцу невраховские, «гражданские» мотивы стишков.

— Вы пишете о богатстве и о бедности, о сытых и голодных? К чему это, молодой человек? Это не темы для поэта. Пишите так: весенняя солнечная улица, идут счастливые люди, и вот — движется похоронный катафалк...

Юноша стоит на своем. Расколотся. И появляется другой учитель: книги Максима Горького. На этих книгах Касаткин сблизается с товарищами, на них возникает согласие, единство мнений, воля к борьбе. На квартире у Касаткина — явка. Рабочие. Студенты. Подпольщики. Он участвует в демонстрации у Казанского собора.

Первая проза

Станция писать бросил. Нужна революционная проза. И он пишет прокламацию. С успехом участвует в забастовках. Работает в типографии. Все близится к кружке. Все близится к кружке. Все близится к кружке.

С 1903 — он большевик. Предостережения не дали. На чердаке электростанции негальский склад: книги большевистских газет, брошюры, листочки. Требуем 8-часового рабочего дня на станции. Под угрозой забастовки — добились.

Предупреждены об обсыбе на квартире. Прощай, Питер!

По явкам, по тюрьмам

Блуждания подпольщика. Жизнь без адреса. Тверь. Москва. Воронеж. Еще прокламация. На обороте — стихи. Слова Нижний. В деленского расстрелял все редколлегия арестована. Выходка.

ме старика Ягоды — подпольная типография. 14-летний Генрих Ягода, будущий строитель Беломорско-Балтийского, помогает большевизма-печатникам. Прова. Нижегородская тюрьма. Первый кабинет творчества. Касаткин в одиночку пишет рассказы. Пробой 1905 года выносит его на волю. Освобожденных качают на площади. Узелок с рукописями потерян в счастливой суматохе. Еле разыскал.

В 1907 году за подготовку к маевке — снова тюрьма. По выходе идет в редакцию «Судоходца» первый рассказ. На другой день в газете: «Окончание следует». Эге, значит, могу и я...

Голос с острова Капри
Вырезки из «Судоходца» — в конверт — на Капри. А. М. Пешкову. Этот адресат никогда не оставляет без ответа. Ответ получен и с ним 250 рублей аванса: «Шлите все, что напишите, для «Знания».

Иван Касаткин — писатель. Рассказы в «Знании». В «Просвещении». В 1912 году нижегородский и сормовский комитеты затевают легальную газету «Поволжская быль». Члены редколлегия И. М. Касаткин, А. С. Бубнов, другие. Тотчас после

И. М. Касаткин

Речи писателя. Все явней, все крупней человеческий образ Ивана Касаткина, образ русского пролетария, большевика, литератора, образ величайшей чистоты, скромности, мужества.

Встают Магидов и от имени комиссии объявляет, волнуясь: — Считаю проверенным. Зал гремит аплодисментами. Иван Михайлович боком, смущенно пробирается к выходу.

Считать проверенным — прямой и честный путь к большевистской правде, к писательской правде жизни, найденный Иваном Касаткиным: сыном плотника и сплавщика Михаила.

ИВ. КАТАЕВ

Первый «Друг детей»

Горький предлагает работать в отряде помощи детям беженцев. Знал, что я детей люблю, пишу о них много... Западный фронт. Отряд подбирает детей, шлет в Москву шлонаката — стихи. Слова Нижний. В деленского расстрелял все редколлегия арестована. Выходка.

Керженек, лесная глухомань. Рассказ за рассказом. Растет книжка, суrowая, страшная, правдивая книжка. «Лесная быль». Только боль. Позор, тоска и горе российской деревни. Выход в восстание и только в нем. Нужно издавать. В Москву.

Горький устраивает к Сытну. «Русское слово» — до победного конца... Высокий спрос на книжки о немецких зверствах. Это не по Касаткину. Лучше опять в леса.

Востает Магидов и от имени комиссии объявляет, волнуясь: — Считаю проверенным. Зал гремит аплодисментами. Иван Михайлович боком, смущенно пробирается к выходу.

Считать проверенным — прямой и честный путь к большевистской правде, к писательской правде жизни, найденный Иваном Касаткиным: сыном плотника и сплавщика Михаила.

ИВ. КАТАЕВ

ПИСАТЕЛЬ И ПАРТИЯ

Организованность — исключительно нерусское слово. Исконно русский его не заменит даже Вл. Дауров. Организованность достигается волевым напряжением человека, а застарелая национальная болезнь, неукротимость порывов, вредная доброта, — все это лишь следствия безответственности перед собой, перед обществом, перед государством.

Воспетая чудесными голосами, в стихах и в прозе, избяная Русь, с ее расточительностью, с грязными, шедувыми святынями, с рабьей безропотной бедностью, с бездельем, с невзрывными недрами, с неэкономной степью, с неграмотностью — грязное отечество. Какая может быть организованность в стране, где едущие вперед не имеют, поднявшие над степью бурю, жестокие желтые очеловачивания твоих кабак? Где — что — думать, что там жадать, дунуть, плынуть, напевать, всесидеть, плыть да жрать? (Ан. Бедный).

Старый быт основных, кормящих слоев населения с его глубоко выкорчеванным холостством и хамством, с малой частью человеческой воли. Интеллигенция, разобщенная все той же прославленной российской широтой, в большом количестве состояла в «невольных зрительях», по определению Горького («Клим Самгин»). В том же романе умина хитровка Мария говорит: «Но вот я в знаю-критически вселяющая личность Дмитрия Пясева, даваю, едущая в жизни, вышла из моды, критика выродилась в навязчивую привычку ума и — только».

«Содна «навязчивая привычка ума» в единении с неярчеством, ленью, безответственной жалостью, со всеми «качествами» широкой русской души расстала волю отдельного человека и всей нации. Многие из нас, крупных и маленьких интеллигентов, не принимали большевиком, именно из ненависти к жесткой, организующей, единственно творческой воле. Создание стойкого государственного организма на развалинах старой Руси — следствия организованности партии, ее целевой волеустраиваемости.

В новом государстве возникла и новая литература. Возмужав оттаиваясь, все же соединились в ней голоса премоющих, непримиримых и подувривающих партийное право.

Будущий чекист

Генрих Ягода, старый знакомый, зовет на работу в ЧК. Нужна помощь литератора: материалы, архивы. И рядом нарождение советской литературы: издательство ВЛИК — Константин Еремеев с трубочкой, Демьян, фронтовые плакаты, книжки. Госказдат во главе с Валковым Веровским. Касаткин — член редколлегия.

В 1920 году с общеполномоченным ВЧК — на Северный Кавказ, на ревизию. Дагестан, Азербайджан, охвостья мусаватства. Борьба с дезертирством, с бело-зелеными, с бандами. Сытний тиф. Больным в Москву.

По поручению Луначарского — в Крым, уговаривать писателей: Волошина, Сергеева-Ценского, Шмелева. Встреча со Шмелевым: — В вашу воровскую Россию не поезду (позднее с советскими деньгами удрал к эмигрантам).

С бранным тифом — в Москву. На время вывоваю из строя.

Организатор литературы

На протяжении шести лет — редактор «Красной звезды». Художественный отдел ГИЗ. ЛИТО Наркомпроса. Инспекция репертуара гостеатров. Потом — собрание крестьянских писателей. «Земля советская». Помощь молодым. Человеческая внимательность к авторам. Чуткость, задушевность и — непримиримость к халтуре, к строкам врага. Кропотливый труд организатора советской литературы.

А где же сам писатель Иван Касаткин, заслуженный знаньевец, могучее перо, точное перо, чистое слово, непримиримый, разящий материал российских инстингов?

Три тома сочинений, из них два — написанных до революции. — Никак не могу совместить два дела. И раньше-то писал только в тюрьме, в лесу... А хочется закончить себя как писателя. Пятьдесят три года, и чувствую себя молодым. Никогда еще как следует не учились, — так все, бок-бок, зачнем путем. Теперь и читать надо и видеть. Лет на двадцать работы еще хватят меня...

Считать проверенным

Речи писателя. Все явней, все крупней человеческий образ Ивана Касаткина, образ русского пролетария, большевика, литератора, образ величайшей чистоты, скромности, мужества.

Встают Магидов и от имени комиссии объявляет, волнуясь: — Считаю проверенным. Зал гремит аплодисментами. Иван Михайлович боком, смущенно пробирается к выходу.

Считать проверенным — прямой и честный путь к большевистской правде, к писательской правде жизни, найденный Иваном Касаткиным: сыном плотника и сплавщика Михаила.

ИВ. КАТАЕВ

ПИСАТЕЛЬ И ПАРТИЯ

Организованность — исключительно нерусское слово. Исконно русский его не заменит даже Вл. Дауров. Организованность достигается волевым напряжением человека, а застарелая национальная болезнь, неукротимость порывов, вредная доброта, — все это лишь следствия безответственности перед собой, перед обществом, перед государством.

Воспетая чудесными голосами, в стихах и в прозе, избяная Русь, с ее расточительностью, с грязными, шедувыми святынями, с рабьей безропотной бедностью, с бездельем, с невзрывными недрами, с неэкономной степью, с неграмотностью — грязное отечество. Какая может быть организованность в стране, где едущие вперед не имеют, поднявшие над степью бурю, жестокие желтые очеловачивания твоих кабак? Где — что — думать, что там жадать, дунуть, плынуть, напевать, всесидеть, плыть да жрать? (Ан. Бедный).

Старый быт основных, кормящих слоев населения с его глубоко выкорчеванным холостством и хамством, с малой частью человеческой воли. Интеллигенция, разобщенная все той же прославленной российской широтой, в большом количестве состояла в «невольных зрительях», по определению Горького («Клим Самгин»). В том же романе умина хитровка Мария говорит: «Но вот я в знаю-критически вселяющая личность Дмитрия Пясева, даваю, едущая в жизни, вышла из моды, критика выродилась в навязчивую привычку ума и — только».

«Содна «навязчивая привычка ума» в единении с неярчеством, ленью, безответственной жалостью, со всеми «качествами» широкой русской души расстала волю отдельного человека и всей нации. Многие из нас, крупных и маленьких интеллигентов, не принимали большевиком, именно из ненависти к жесткой, организующей, единственно творческой воле. Создание стойкого государственного организма на развалинах старой Руси — следствия организованности партии, ее целевой волеустраиваемости.

В новом государстве возникла и новая литература. Возмужав оттаиваясь, все же соединились в ней голоса премоющих, непримиримых и подувривающих партийное право.

Л. СЕЙФУЛЛИНА

ТЕАТР ДЕТСКОЙ КНИГИ У МАКСИМА ГОРЬКОГО

Горький отметил, что театр детской книги — нужное и большое дело, что оно «закручено хорошо», но нуждается в еще большем развитии, в привлечении лучших мастеров слова и кисти. Горький считал необходимым использование этого театра на периферии и для взрослой аудитории, не упуская, разумеется, главной установки — обслуживания ребят.

А. М. Горький считал это особенно своевременным в связи с подготовкой к съезду писателей.

Обсуждая тематический план театра, А. М. высказал мысль, что для театра детской книги было бы чрезвычайно ценно оформить для советских ребят ряд сказок, например — после тщательного отбора — сказок Андерсена, Дальше А. М. Горький высказал мысль, что чрезвычайно интересно было бы поставить пьесу на интернациональную тему — о вожаке подготовки к вой-

БОЕЦ — ПИСАТЕЛЬ ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

Вишневский пришел в партию из чужого класса, из обедневших дворян.

От отца Вишневскому незачем отказываться. Он сделал все, чтобы этот класс — по фотограмметрии, в числе первых пришел и отдал свои знания рабочему классу, первый из беспартийных спецнастов голодовал с большевиками еще до Октября в районной думе, а после Октября — первый из крупных специалистов предложил свои знания советской власти, с 1918 по 1928 год — один из первых преподавателей военной академии им. Толмачева, докладчик технических групп военных специалистов по обороне Питера от Юденича. У Виталия Вишневского — три сына, и все они добровольцы-красноармейцы.

13½-летний мальчик Вишневский идет добровольцем, сначала в Балтийский флот, на военный транспорт, но транспорт возит снаряды, не дерется, а Вишневскому хочется стрелять. Он возвращается

Зарисовка худ. А. Панфилова

домой, его снова водворяют в гимназию, он снова бежит, но уже в действующую армию.

Начинается первый этап сознательной жизни. Лебедярдия Егерский полк. Шовнистический утвар держится долго. Три с половиной года на позициях — окопник, фронтник.

Февраль 1917 года. Петроград. При первых же выстрелах на улице Вишневский бежит в запасную батарею Егерского полка. берет винтовку, выходит на улицу, дерется против царизма.

С февраля по июнь Вишневский проходит путь иезависимая мелкобуржуазных иллюзий, характерный для всей мелкобуржуазной массы. В мае идет сызнова огромным на фронт и видит огромные изменения в солдатской массе. На фронте полковые комитеты; вместе с солдатами слушает Крыленко, сходится с большевиками. Толкового, грамотного юношу заставляло писать в «Правду», у него огромный авторитет среди фронтников-разведчиков. Из Егерского полка к концу июля выбираются несколько хорошо подготовленных солдат из фронтников и посылаются в Питер для обработки стоявшего там запасного резервного Егерского полка. Вишневский со своими товарищами отлично справляется с этой работой. Они не только целиком захватывают свой полк, но и завязывают связи с другими воинскими частями.

В ночь на 25 октября, когда он приходит к себе в роту была чистка. Он выделается добровольцем, которые посылаются в Петербург. Район действия — разведки Егерского полка — адмиралтейская сторона набережной у моста. В ночь на 27-е Егерский полк бросается против наступающих войск Керенского. У Дурдогофа Вишневский встречается гелсингерфорский отряд и питерскую Красную гвардию, которая имеет против себя донской казачий корпус. Выделяются из фронтников трою и во всех военных регионах отправляются в казаким. В числе их — Всеволод Вишневский.

В конце декабря он возит оружие на Дон красным частям, бросается против Каледина. После декрета об организации Красной армии он вступает добровольцем в морской береговой отряд бойцов пулеметчиков.

В марте 1918 года отряд направляется в Москву для охраны правительства. Борется с анархистами, ведет большую работу по их ликвидации.

В апреле отряд направляется на Волгу, оперативные пункты на востоке. При подавлении левоэсерского мятежа на Клязьме Вишневский ранен в ногу.

В организованную Вожаком флотилию идет добровольцем на флагманский корабль, кан. лодку «Коммунист» № 5, пулеметчиком. Участвует в 42 боях, в момент организации 5-й армии. Борьба с чехо-славаками.

Ноябрь 1918 года. Организуется повстанческий отряд матросов для отправки на Украину. Вишневский рвется, наконец, для себя возмож-

«Тут говорили о т. Вишневском то, что надо сказать. Говорили, что это большая, достойная жизнь, говорили, что он честно и твердо идет с партией в ее ряды, в рабочий классом в его колоннах. Говорили, что для т. Вишневского надо создать настоящую партийную обстановку, в которой этот талантливый драматург особенно нуждается, так как его яркая фигура принадлежит всяким нарским и комаров, выходящим возле литературы. Мы стоим на пути к созданию здоровой творческой среды для всех товарищей писателей — как беспартийных, так и партийцев.

Но один момент мы считаем необходимым добавить. То, что т. Вишневского был перерыв, мимо этого пройти нельзя. Тов. Вишневский должен его неврывать в дальнейшей своей деятельности. Это обязательно. Еще с большей энергией и партийностью он должен ввязаться за работу, ибо доверие партии к Вишневскому имел и имеет — дает оценку писателю-краснознаменитому Всеволоду Вишневскому краснознаменитому — председателю комиссии Борис Магидов.

РАЙСА АЗАРХ.

11 ДНЕЙ ЧИСТКИ

Теперь можно поговорить и о специфике писательской ячейки. Не о той специфике, которую всячески склоняли до чистки, на деле же прикрыть свою безответственность, и не о той, конечно, специфике, которой кое-кто рассчитывал оправдать свою большевистскую писательскую практику (мол, писатель — это особый человек, «ордер», к которому нужно подходить с особыми требованиями и прерогативами), а о той настоящей, подлинной специфике, которую ячейки и ее бюро забыли. Мы говорим о различных группах членов ячейки и о том, что их нужно было дифференцированно обслуживать.

В ячейке было больше 20 коммунистов-драматургов, 10 критиков и довольно порядочная группа рабочих и служащих. С ними нужно было вести особую работу, уметь опереться на их особые производственно-творческие интересы.

Так должно было быть... Но так, к сожалению, не было. Но не это главное. Хуже другое. Говоря о «специфике» и об особом «подходе» к писателю-коммунисту, ячейка на деле забыла и не сумела организовать действительную помощь и влияния на творческую практику и идейный рост коммунист-писателя (вот тут-то и уместно акцентировать на слово «писатель»).

Об этом, проходя чистку, говорят и т. Ив. Дорониин (поэт) и т. Давыдов (драматург) и Барышников — заместитель заведующего финансово-агентурным сектором, Вихрев (прозвник). Но есть группа писателей, которые не столько сами ставили вопрос о внимании ячейки к их работе, сколько говорили об этих фактах, выявленные на чистке.

Мы говорим о коммунистах, работавших во Всероссийском драматическом театре, особенно, в секции малых форм. Об этой секции за несколько дней чистки удалось сложиться немало казачков: «В секции малых форм большой провал», «Малым формам требуется большая встряска» и т. д.

И это так. День за днем все больше и больше становится ясным, что в секции малых форм мы имеем явное неблагоприятное положение. Крайне низкий художественный уровень произведений многих малых формистов, а временами просто халтура, безответственное отношение к художественному слову, засоренность приспособленческими элементами — таковы серьезные болезни этой секции, за которые несут ответственность ее руководители коммунисты.

Но не только они. Чистка работников этой секции т. Ромова, Давыдова, Арского, Вакса, Фалева, Сидорова-Оксого и др. показала, что за положением в секции несут большую ответственность бывшие и настоящие руководители фракции Всероссийского драматического театра (Афиногенов, Амаглоби и Россавский), а также бюро партийной ячейки.

Тов. Магидов совершенно правильно говорит о своего рода барстве, мешавшем многим товарищам из руководства Всероссийского драматического театра решать этот факт, что

ЧИСТКА ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ НАЧАЛАСЬ

(От нашего корреспондента). 14 сентября состоялось открытое собрание писателей-коммунистов и комсомольцев, посвященное чистке партии. Присутствовало много беспартийных писателей.

На собрании с большой речью выступил председатель областной комиссии по чистке партии т. ШКИРЯТОВ, подчеркивающий задачи писателей в проверке партийных рядов.

Б. Р.

„ЛОГА“ — А. БОНДИНА

НА „СМОТРЕ“ ПРОШЛИ:

- 1. С. Колдунов
2. А. Гайдар
3. Г. Максимов
4. В. Сидоров
5. И. Уксусов
6. И. Шток

Книжка Бондина «Лога» еще раз показывает, что не только в Москве и в Ленинграде растет советская литература...

на бесконечность тянула молодого приривского парня, маняла в свои хмурые ложбины, скрывшие золото, платину — «антирес» — жизнь. Жизнь — это богатство. Жизнь — это собственность...

и который сломит его. Он борется с рабочими административным путем. Он вызывает инженер-охранника, но при помощи полиции арестовывает бунтаря. Но растущая сила, слезать нельзя. Близились революция. Близились крах Скоороботова. Читатель без всякой навязчивости чувствует, как наряду с силой Скоороботова растет сила Смолиных и Сизовых, которые сломили Макара, которая разрушит собственность. Бондин показывает это тонко, он хорошо владеет искусством психологических деталей...

Растет новый Урал. Советскими крепостями встают Магнитогорск, Уралмаш, Березники, Соликамск. Десятки тысяч людей со всего Советского Союза приходят на заводы Урала. Приходит молодежь. Молодежь, начавшая работать уже на новых советских заводах. И рядом с ними в старых шахтах Верхне-Исетского завода, на рудниках Тагила, Кизеловских копях работают старики старавры, горняки, золототкатели, которые помнят старый Урал, которые помнят заводчиков-эксплуататоров, капиталистов-золотопромышленников...

Десятки рабочих, бывших товарищей Макара Скоороботова, они больше не товарищи ему. Больше не товарищи им работавшие. «Когда проходила мимо работавший, что работавший лениво, часто садился, вертел цыгарки, подолгу курал и при виде его, хозяина, не трогаясь с места, будто не понимая, не признавая хозяина. Он как-то незаметно отодвигался от рабочих, чувствуя свое превосходство. Ему казалось, что он, крепче, и крепче вращая, стоит на земле, чувствуя, что все — и станки, и люди и лес, и земля — принадлежит ему». Препятствие Макара, словоохотливый, молодой, сильный, простой, становится тяжелее и тяжелее. Его уже хозяин, эксплуататор. Ему кажется, что он не воспринимает слова одного из горных чиновников Маевского: «Наши капиталисты, чтобы быть первыми, и ты будешь заставлять царя делать все что тебе нужно. И Скоороботов наживает этот капитал. Он чувствует себя хозяином не только рабочих, но и царских чиновников, которых он покупает за взятки. «За взятку все получу», говорит он прокурору.

Почка что напечатана только первая книга романа. Во второй книге Бондин даст новый Урал, новые приткни. Первая книга кончается поражением Скоороботова. Собственник приткни. Капиталист, всю жизнь отдавший золоту, накопившему, увидел, как рушатся все его устои. Пришла революция. Вторая книга, очевидно, покажет борьбу рабочих за власть, покажет Сизовых и Смолиных, овладевающих производством, покажет дальнейшую борьбу с рабочими, но еще не уничтоженными, Скоороботовым и его приспешниками. С большим интересом ждем мы этой новой книги т. Бондина. Ему нужно помочь в работе, помочь сделать вторую книгу еще более яркой, убедительной и сильной, чем первая. Это является обязанностью нашей критики. Нужно глубже и основательнее проанализировать «Лога» Бондина, показать ему, в чем его сила и в чем слабость, чтобы он учел это в работе над новой книгой. Думаем, что это является в частности задачей журнала «Литературный критик».

В жертву собственности, в жертву накопительству Макара приносит любовь, любовь. Он весь во власти золотой ляманки. Он разоривает дело, механизмирует его. Он с презрением смотрит на отца как на мелкого кустаря. Кажется, росту Скоороботова не будет конца.

Показывая Макара, ярко давая этот образ растущего капиталиста, Бондин показывает, как на приткни растет новая сила, которую Скоороботов просматривает. Растет рабочий класс, который начинает тревожить Скоороботова. Бондин показывает, как постепенно растет самосознание рабочих-золототкаелей, вначале угнетенных и подавленных Макаром, потом все больше осознающих свою силу. Типы рабочих и старателей разнообразны у Бондина. Тут и жалкие забытые озлобленные люди, вроде Социалита, тут и рабочие бунтари — Смолины, Ефим Сизов, здесь и ярые старые рататели типа Малышкова. Бондин показывает борьбу Скоороботова, с одной стороны, со старателями, «кустарями», с другой стороны, с собственными рабочими. Скоороботов силен. Он может подавить мелких старателей. Их конкуренция не страшна ему. Но растет новая сила — рабочий класс, который все громче и громче дает о себе знать, который беспокоит Скоороботова.

Почка что напечатана только первая книга романа. Во второй книге Бондин даст новый Урал, новые приткни. Первая книга кончается поражением Скоороботова. Собственник приткни. Капиталист, всю жизнь отдавший золоту, накопившему, увидел, как рушатся все его устои. Пришла революция. Вторая книга, очевидно, покажет борьбу рабочих за власть, покажет Сизовых и Смолиных, овладевающих производством, покажет дальнейшую борьбу с рабочими, но еще не уничтоженными, Скоороботовым и его приспешниками. С большим интересом ждем мы этой новой книги т. Бондина. Ему нужно помочь в работе, помочь сделать вторую книгу еще более яркой, убедительной и сильной, чем первая. Это является обязанностью нашей критики. Нужно глубже и основательнее проанализировать «Лога» Бондина, показать ему, в чем его сила и в чем слабость, чтобы он учел это в работе над новой книгой. Думаем, что это является в частности задачей журнала «Литературный критик».

Вот старик Яков Скоороботов, старатель, еще мелкий хитрец, дающий взятку царским чиновникам и при их помощи получающий лучшие участки. Это еще кустарь. Он еще работает в одиночку, он еще клонит по зернышку, у него всего один-два работника. Размах его эксплуататорства не велик. Это заря золотой ляманки на Урале. Совсем другое — его сын Макара. Макара Скоороботов родился «в сорочке», ему везет, он находит лучшие золотые участки. Макара Скоороботова не удовлетворяют малые замалы его отца. Золотая ляманка охватывает его. Он видит, как богатют люди, он видит, как растут состояния. И он тоже хочет богатеть. «Макара думал свое. Ему не нравилась работа отца собирать золотинки да червонцы. Он мечтал о большем. Плана его рисовали золотинки, а фунты. Уходя в лес с ружьем, он забирался на какую-нибудь гору и с жаждой смотрел в синие дали разбросанных горных хряжей». «Эти горы, эта тяже-

Почка что напечатана только первая книга романа. Во второй книге Бондин даст новый Урал, новые приткни. Первая книга кончается поражением Скоороботова. Собственник приткни. Капиталист, всю жизнь отдавший золоту, накопившему, увидел, как рушатся все его устои. Пришла революция. Вторая книга, очевидно, покажет борьбу рабочих за власть, покажет Сизовых и Смолиных, овладевающих производством, покажет дальнейшую борьбу с рабочими, но еще не уничтоженными, Скоороботовым и его приспешниками. С большим интересом ждем мы этой новой книги т. Бондина. Ему нужно помочь в работе, помочь сделать вторую книгу еще более яркой, убедительной и сильной, чем первая. Это является обязанностью нашей критики. Нужно глубже и основательнее проанализировать «Лога» Бондина, показать ему, в чем его сила и в чем слабость, чтобы он учел это в работе над новой книгой. Думаем, что это является в частности задачей журнала «Литературный критик».

Почка что напечатана только первая книга романа. Во второй книге Бондин даст новый Урал, новые приткни. Первая книга кончается поражением Скоороботова. Собственник приткни. Капиталист, всю жизнь отдавший золоту, накопившему, увидел, как рушатся все его устои. Пришла революция. Вторая книга, очевидно, покажет борьбу рабочих за власть, покажет Сизовых и Смолиных, овладевающих производством, покажет дальнейшую борьбу с рабочими, но еще не уничтоженными, Скоороботовым и его приспешниками. С большим интересом ждем мы этой новой книги т. Бондина. Ему нужно помочь в работе, помочь сделать вторую книгу еще более яркой, убедительной и сильной, чем первая. Это является обязанностью нашей критики. Нужно глубже и основательнее проанализировать «Лога» Бондина, показать ему, в чем его сила и в чем слабость, чтобы он учел это в работе над новой книгой. Думаем, что это является в частности задачей журнала «Литературный критик».

* А. Бондин, «Лога», УралОГИЗ, 1933.

* Издательство «Молодая гвардия» выпускает № 1 литературно-художественного альманаха молодых писателей «Молодость» под редакцией т. Андреева, Н. Богданова, А. Жарова, Н. Родионова, К. Рыжикова, В. Сидорова и Я. Шедова.

* Большую хрестоматию произведений революционных писателей Западной Белоруссии издал секция Академии наук по изучению Западной Белоруссии. В хрестоматию напечатаны произведения Л. Родина, Свнтки, Гранита и др.

А. ИСАХ Ф. ПАНФЕРОВ

Небольшая книга Л. Колоса «Джанти-джер» передает большие и новые дела лубяничков. Лубянички? Кто они? Почему нужно о них писать? До книжки Л. Колоса лично знал о лубяничках столько, сколько знает обычный читатель газет. После прочтения я хочу сообщить читателю, что лубянички — это советские ученые, техники, агрономы, организаторы, борющиеся за создание наших отечественных дубных культур, освоившие дубные культуры, освоившие их на отечественной территории. Это люди, дерущиеся за советский кендырь, советскую итальянскую коноплю, кефав и канатник, чтобы дать им фабрика для выработки ревиндука (признаться, я так и не узнал из книги, что такое «ревиндук»), мспоконны, мешков, шпагата. Лубянички дерутся за то, чтобы превратить в хлопок, а это значит — сохранить валюту, дать новые миллионы метров ткани. Они дерутся за превращение любой лубной культуры в хлопок, они новаторы, значительного писателя. Большая заслуга Л. Колоса в том, что он дал свое время и свой труд делу изучения этой борьбы, что он дал читателю нечто новое и неизвестное ему, повышая его знания.

Борьба за лубные культуры принесла социализм в пустыню. Стель, пустыня, песок. Все это было веками и тысячелетиями. Пришли люди, вооруженные волей и решимостью. Стель засеяна, орошена водой, пустыня стала садом и полем, песок был поглотит растительными каналами, дорогами. Большие трудности стояли на пути этих замечательных «лубяничков»: разбегались рабочие, местные организации почти не помогали, жить и работать было голодно и холодно. Особые трудности нового дела — «Дело тут не в личностях, как ты думаешь, а вопрос гораздо глубже. Корни недоверия идут от кендыря. Все дело в нем. Нам не верить, потому что мы первые ведем работу, и еще в таких колоссальных масштабах. Нигде в мире нет подобной работы. Люди знают и видят, что мы вводим в это дело громадные средства. А где гарантия успеха этой работы? Енет.

И полная уверенность, что в такой срок будут пушены домы, мартены и электростанции. Перспектива ясная. А как дело обстоит у нас? Кто может поручиться, что кендырь будет расти и даст то, что мы от него ожидаем. Есть ли гарантии? Нет. У нас нет ни одного крупного специалиста, нет таких специалистов и за границей. Само дело нового хлопка ничтожно. Только я, ты да еще горсточка людей, — вот и все, что мы имеем. Мы голые люди на голой земле. Мы добровольно избрали себе роль Робинзонов. Мы сказали: вот огромные пространства голой земли, на ней ничего не растет, мы ее оденем кендырем, кендырь превратим в хлопок, из хлопка сделаем одежду. Партия нам доверила, не потребовало от нас никаких гарантий, кроме нашей большевистской честности. Оправдали мы это доверие? — Пока еще нет, но оправдываем, — заметил Алексей.

Борьба за новый сорт растений, за новую отрасль промышленности сельского хозяйства, есть часть строительства социалистической страны. Борьба за новый сорт растений, за новую отрасль промышленности сельского хозяйства, есть часть строительства социалистической страны. Борьба за новый сорт растений, за новую отрасль промышленности сельского хозяйства, есть часть строительства социалистической страны.

Идею преиспещенности опыта борьбы нашла выражение в системе живых конкретных образов. Правильная психологическая деталь, вскрытая социальное лицо человека, кувирившаяся Бахметьевым-художником с особенной настойчивостью. Большевистская настойчивость, твердость качества всех большевиков — в рассказе «Одна ночь», но как разнообразны сами люди рассказа. Предубежденность Семовской «миниатюра», у него женские руки, бесконечно усталые глаза, необычайная раскрепощенность и... его не в состоянии предубеждать угрожать не ехать в самые опасные районы. Губродомский Очков сохраняет «смешливое острого глаза», знает, что «в древних неспокойно, что местию продотряды подвергались нападения, что еще третьего дня в город мелеватского изуродованное тело мелеватского комиссара». Предубеждения Гарасев, забываясь гайкашка, он во главе отряда мчнется в тот опасный район, куда поехал предубежденно.

Вот в том-то и дело, что только мы и уверены в том, что оправдали. А ведь у людей, смотрящих эту уверенность, нет, и это вполне понятно. Художник изучал свою тему, он работал над ней, он не придумал ее и не сочинил, не вынул из самой жизни. Тому ощущаешь, книжка прививает вкус к ней, хочется знать еще больше.

Сборник «Шаги» — не снабженный, к сожалению, вступительной статьей о творческом пути Бахметьева, удачно составлен, он ядростроит «Шаги» писателя в художественном творчестве с первых годов пера до обобщений зрелого художника. «Повести о прошлом» Бахметьева — о революционном подполье, о большевизме на работе и в ссылке. Своеобразие этих повестей прежде всего в углубленном покое среды, в которой протекала жизнь сильных. Стремление дать психологически правдивую мотивировку поведения, характерное для всего творчества писателя, явственно просматривается и на начальном этапе. Повести о прошлом намечают ряд типичных характеров подпольщиков. Суровый, «с беспощадно замкнутым, от природы крещеноподобно притертым лицом», лютый Кронид Деметьев поражает внимание непогабавым огнем. Самый молодой из безжалостных пятерых, Глотов — по мнению впечатлительных, любопытен к жизни, но умеет подчинить свои чувства классовой целесообразности. Старик-прокатчик Ключанцев нашел силы накануне смерти отказать от ноचेки, чтобы не провалить побег. Не все характеры раскрыты с одинаковой глубиной, твердость Крониды подчеркивается больше еще внешней деталью — «кщеподобно притертым ртом», как подробностями повеления. Показывая типы рабочих-подпольщиков, правильно изображая их взаимоотношения с крестьянством, Бахметьев заботился уже в ранних произведениях о широте охвата среды; несудая о широте характера о прошлом много характерного, выявляющего особенности сибирийской ссылки пейзажа: «На отстой верст без конца и начала тянулись хмурая, изрезанная хребтами, тайга, и была она, как стена: по эту сторону — беспомощный, измученный тюрьмами человек, а по ту сторону — весь огромный мир».

Идею преиспещенности опыта борьбы нашла выражение в системе живых конкретных образов. Правильная психологическая деталь, вскрытая социальное лицо человека, кувирившаяся Бахметьевым-художником с особенной настойчивостью. Большевистская настойчивость, твердость качества всех большевиков — в рассказе «Одна ночь», но как разнообразны сами люди рассказа. Предубежденность Семовской «миниатюра», у него женские руки, бесконечно усталые глаза, необычайная раскрепощенность и... его не в состоянии предубеждать угрожать не ехать в самые опасные районы. Губродомский Очков сохраняет «смешливое острого глаза», знает, что «в древних неспокойно, что местию продотряды подвергались нападения, что еще третьего дня в город мелеватского изуродованное тело мелеватского комиссара». Предубеждения Гарасев, забываясь гайкашка, он во главе отряда мчнется в тот опасный район, куда поехал предубежденно.

Вот в том-то и дело, что только мы и уверены в том, что оправдали. А ведь у людей, смотрящих эту уверенность, нет, и это вполне понятно. Художник изучал свою тему, он работал над ней, он не придумал ее и не сочинил, не вынул из самой жизни. Тому ощущаешь, книжка прививает вкус к ней, хочется знать еще больше.

Для всех произведений Бахметьева о гражданской войне характерно стремление изобразить героизм за

Ряд рассказов посвящен темам партизанского движения в Сибири. И хотя писатель встречается в обработке этого материала с Фадеевым, В. Ивановым, он говорит свое слово по вопросу о руководстве партизанами. К именим интеллигентна Левенсона, крестьянина-сердечника Вершинина писатель прибавляет не начальническую тысячную крестьянской партизанской армии Шестопалова, «валяла грудь которого у станков на заводе ввалилась». Шестопалов имеет среди кре-

Печать торопливности лежит на книге, ряд художественных и идейных промахов портят взятую т. Колосом большую тему. Думаю, что ему нужно снова к ней вернуться, снова взяться за внимательное изучение затронутого им интересного участка жизни (не только в качестве наблюдателя со стороны), поработать над словом, композицией, дать теме тугой сюжет — и тогда читатель с удовольствием встретится еще раз с «лубяничками», строящими социализм в пустыне, в степи, на далекой окраине.

В. КРАСИЛЬНИКОВ

С. НАМОВ

Только что вышедший в Ленинграде роман Леонида Соболева «Капитальный ремонт» представляет первую часть задуманной большой эпопеи о царском флоте в империалистическую войну. Опубликованный материал дает лишь предварительную экспозицию и героев и всего идейного замысла произведения. Перед читателями — интродукция в 15 печатных листов. Она охватывает канун мировой войны.

принципа сочетания типизации и индивидуализации, отличающего «Капитальный ремонт» и позволяющего оценить роман с этой стороны как интересный вклад в советскую литературу. Роман Соболева поднимает художественную разработку тематики империалистической войны на новый уровень. Это — книга о «тайне рождения войны», о ее внутренних пружинах, о том, что война решается не на полях сражений, а в кабинетах политических и финансовых воротил. Новый уровень в том, что, не показывая еще самой войны в упор, Соболев намекает все ее последующие веки, расчленяя персонализированных классовых групп, линии выхода из войны. Наличие такой концепции позволяло автору отвести весь первый том описанию мобилизационного периода и удержать на этом описании напряженный интерес читателя. Характер и условия подготовки войны даны в романе как главный узел его последующих событий, и это не творческая расправа, но подлинная экономика художественных средств, проявленная автором. В романе Соболева сильно звучит мотив военной беспомощности паризма. Прежде всего мысль эта возмущает живых людей, но возмущает по-разному, и здесь вскрываются интересные и тонкие различия в классовом единстве кадрового флотского офицера. За исключением патристических юнцов типа Юрия Литвинита никто из офицеров не верит и не уважает штаб. Но презрение к штабам реализуется по-разному. Кто, как Николай Литвинит, моментически признается, что пришел момент вступить на алтарь отечества, а кто, как Николай Литвинит, не признает, что в этот момент пошел, и тем не менее деловито старается восстановить утраченное равновесие. Кто, как пишут Веткин, использует презрение к штабам как материал для анекдотов в кают-компании на тему: «Генерал в поход собрался». Кто, как охранный Гриве, считает неприличным рассуждать на эту тему, хотя по существу не возражает хулиганам штабов. Кто, наконец, как мичман Морозов, офицер-механик, воспитанный на либерально-демократических дрожжах, истерически вопит о бездарности русских военных руководит-

„ТАИНА РОЖДЕНИЯ ВОЙНЫ“ И РОМАН СОБОЛЕВА. — ОБРАЗЫ ОФИЦЕРОВ И МАТРОСОВ. — МАСТЕРСТВО РЕАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕТАЛЕЙ. — АВТОРСКОЕ ОТСУПЕНИЕ — ЛИРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА. — НУЖНО ЛИ ПИСАТЬ О „БАРХАТНЫХ ПОСТЕЛЯХ СУМЕРЕК“ И „БАРХАТНЫХ ФУТЛЯРАХ САДОВ“? — СОЗДАЕТСЯ БОЛЬШОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ.

цифры 8 в строю матросов, цифры, при которой претяжешь во фронте карается, как государственный бунт. «Если бы было 7, то вообще ничего не было бы». В этой формуле, как и во всей ее основе, — тонко организованное расхождение дружного фронта не пониманию своей вины матросов, отраженной специфика военного матросского возмущения и опутанность матросского сознания военной муштры. Мотив «матросской правды» — справедливости, которую ищут и не находят, не снижает глубокого смысла пробуждения классового сознания матросов, не подменяет конкретным «общечеловеческим» пониманием правды, а, наоборот, необычайно конкретизирует этот бунт, вскрывает подлинный строй чувств и мыслей бунтующих матросов. Именно поэтому и получается здесь не «бунт вообще», а бунт конкретно исторический, отражающий силу и слабость революционного сознания 32 чогечаров — отсталых крестьян в большевизме, и те особенности военного флотского режима, в которых дана сущность военного, феодального, бюрократического империализма царской России. Одна из наиболее глубоких идей романа Соболева — коренная финансово-экономическая связь дворянского самодержавного строя с французским империализмом. Именно здесь ищет Соболев истоки «тайны рождения войны». Именно здесь лежит сила и блеск сцен, взрывающих занури пышную мишуру патристического и буржуазного капитализма и заключая французского Петра в круг французского русского союза на фоне гниения всего этого людящего организма. В центре праздника, на окраине — забастовка. В центре салюта в честь гостей, на окраине — стрельба в рабочую демонстрацию.

Нужно, однако, подчеркнуть, что все революционная линия — наиболее узкое место в романе Соболева. Трагедия революции сама по себе безупречна. Все отклонения от нее, все формулировки пролетарской революционной тактики верны. Но в романе ощущается задержка революционной темы. В фигурах офицеров и всего их окружения живо ощущается органическое знание автором этого материала. Чувство и мысли персонализированы, они глубоко индивидуальны. Все же фигуры, связанные с революцией, не столько говорят, сколько проносятся, скрепящиеся, чем холат. И это происходит потому, что автору они интересны сначала как носители неких принципов, а потом уже как реальные персонажи. Волковой, Кудрин, Тюльманков, Тишенинов и Вайлис — это еще конспекты, а не развернутые характеры. В романе Соболева пафос отрицания военной флотской кастовости подкреплен прочным фундаментом реалистических деталей. Пафос же утверждения революционных идей не находит еще себе реального обоснования, такой же выразительности и силы.

Автом, по всей видимости, недостаточно знает конкретный человеческий материал пролетарской революции кануна мировой войны, слабо изучил ее живые истоки. Он добросовестно усвоил работы Ленина, относящиеся к этому времени. И это очень хорошо. Но если по отношению к хорошо освоенному автором офицерскому материалу ленинское учение сыграло для него роль прожектора, пролившего яркий свет на все эти фигуры и укромные углы художественной яркости этих образов, то в материале пролетариата ленинское учение представляется отстутствием от имени живых людей, вытесняя их по существу. Здесь — серьезная трудность, которая дол-

быть в соответствии с этапами развития и загнивания русского феодализма и судбами капитализма в России. Эти отступления — наиболее типичные у Соболева — реализуют его борьбу за эмоциональное освоение ленинизма. Но нередко встречаются пышные, лишние риторические ходы, ничего не раскрывающие, дурная символика, доходящая до прямой бескусности: «Петербург медленно утопал в бархатной познании июльских сумерек, дворцы, настигшие крупными жемчужинами на гранитную нитку набережной, прятаясь в темном бархатном футляре своих садов. Муравьиные орденские банты перелестенных каналов подхватывались пражками бесчисленных мостов. Широкая голубая лента Невы была надета стоической через плечо, как присвоенный ей орден св. Андрея Первозванного».

ДОНБАСС — еще не поднятая гидромелиорация целины

ПОКАЖЕМ СТРАНЕ ДЕЛА И ЛЮДЕЙ НОВОГО ДОНБАССА

НЕ ДРА ВСТАЮТ

Я еще в дореволюционное время бывал в Донецком бассейне, видел каторжный труд шахтера, видел антагонизм и расслоение среди самих рабочих. Наиболее ярко этот антагонизм проявлялся во взаимоотношениях между квалифицированными рабочими заводскими и самой низшей категорией шахтеров «самоучками». Завойщики в отношении их говорили друг другу:

— Не мой в этом ведре руки, из него «самоучки» пьт.

Теперь этого нет. Теперь совершенно изменился облик старого Донбасса. Изменилось производство, быт, взаимоотношения. В новом Донбассе в условиях социалистического производства растут новые люди, установлены новые социалистические взаимоотношения.

Года четыре назад мною начат роман о новом Донбассе и несколько позднее написан ряд рассказов: «Шахта № 5», «Технопарк», «Попов» и др. За недостатком материала роман пришлось на время отложить (захватили другая работа — об Урале). Первая книга («Недра встают») уже закончена, теперь работа над второй. По окончании ее вновь поеду в Донбасс. Это будет, вероятно, к весне 1934 года. В эту работу хочу запрыгаться крепко и надолго.

П. НИЗОВОЙ

ГЛАВНОЕ — ПАРТИЯ

Уголь черен под эстакадами. С невероятными усилиями добытый из затопленных, полуразрушенных шахт людьми, голодными, истощенными в борьбе, только что свившими с плеч винтовки и ввязавшимися за обучение, — добытый ими уголь черен под эстакадами.

... Лютая зима 1923-24 года. Металлургические заводы засыпаны снегом, железные дороги еле дышат, пытаются дровами, в самом Донбассе действовала только одна ломовая печь.

Здесь же бывала дискуссия с троцкистами, вспыхивали забастовки, действовали вредители. Тогда и впервые узнал Донбасс с тех пор не порывал с ним связи.

... Первые годы пятилетия. Страна гигантскими шагами идет вперед. Донбасс отстал. Рабочие Тулы, Ленинграда, Москвы писали шахтерам Донбасса:

— Дайте нашим топкам уголь! Мы предадим вам, товарищи донбассцы, особый счет, требуя немедленной его оплаты.

Я видел, как тяжело переживали старые шахтеры этот упрек и как самоотверженно боролись они за уголь, отвечая дополнительными эшелонами угля на призыв братьев по классу. Я видел, как люди боролись, уничтожая старый Донбасс, создавая новый, социалистический, с новой техникой, новыми людьми, новой культурой. Изобрести все это, показать процесс перерождения Донбасса и людей — вот, мне кажется, основная задача писателя.

Но что же самое главное в этом процессе? Главное — партия. Показывать партию и борьбу партии за новый Донбасс, начиная от ЦК, райкомов и шахтских организаций вплоть до партийной группы в забое, показывать это через людей — великая и трудная задача. А без этого нельзя показать Донбасс! Надо идти на эти трудности, надо дерзнуть! Мечта моя — дать книгу о партии на материале Донбасса. С этой целью всю предстоящую зиму буду работать там.

И. ЖИГА

ЛЕНИНСКАЯ СТРОИКА

Не хочется говорить о застойной, местами непродвинутой, грязной, обманчивой по ночам Горловке, о мутных локхатых коробочках дачу в дворниках-мышелочках вокруг территории первой шахты, о шахтерах-новичках, тесноте вытопкнутых на ноचेку в привокзальных пустырях, о роже, куда с наступлением темноты небезопасно было выходить, — в Горловке рабочий не задерживался, и мало делалось для того, чтобы он до работы и после работы не тогул в грязи, не залдыхался в тесноте, не обидан базарной грошевой «коммерцией» и сдирал с себя коросту

В местах, где работы закончены, прежде озираются и не верят, что находится в Горловке.

Квалифицированных строителей постоянно здесь работает небольшое количество, все прочее приходится по щучьему велению. Руководители намечают, взвешивают, обсуждают, принимают решение, секретарем, как Т. Фурер, умеют делать это, умеют даже, если надо, не спать по ночам. На призыв руководителя выходят шахтеры металлисты — а они выходят охотно, с музыкой, с песнями, выходят не все сразу, а цехами, сменами, бригада-

Информационный центр советских писателей СССР влает горловку привокзальный Горловка—городским удальникам социалистического Донбасса!

КОЧЕГАРКА

25

Советская литература обязана своим созданием героям, творцам социалистического Донбасса

ВРЕМЯ ЧЕРНЕР ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ—МАССОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Литературная страница газеты «Кочегарка» (Горловка)

прошлого — карты, драку и пьянку во всех ее видах — от уличной и буйной, до тихой, за занавесками, с домино и салынами, расбухшими от употребления, картами.

Сейчас Горловки не узнать. Выросли новые дома, улицы, скверы, дома отдыха, цветочные площадки; ширится травянистое сообщение, стремительно растет стадион, сносятся под сверт, фонтан и т. д. — лагухи знаменитых «Шанхая» и «Ленина»; рожа превращена в прекрасный парк культуры и отдыха, вырос парк культуры и отдыха предприятной Курсульской группы, — переименование того, что сделано и делается здесь, заняло бы не одну страницу.

Здесь не строят, а творят. Во главе стройки здесь стоят не холодовые десятилетия, техники, архитекторы, для которых главное в том, чтобы была в букву, как велит план-чертеж за такое-то время та или иная часть тротуара, набросать для клубы свою порцию земли и т. д. Они сами будут играть на этом стадионе, ходить по этому тротуару, глядеть на эти здания, дышать этим воздухом очищенным этими посаженными ими деревьями и цветами, сидеть на этих скамейках и т. д.

Рабочая масса руками ощущала, как строится социализм в быту, охотно строит его, перерабатывает и поражает скептиков выдержкой и идет в ногу не с ними, а с большевиками, с энтузиастами стройки.

Трудное, огромное, мудрое дело! Если оно и дальше будет идти у Горловки так, как оно идет сейчас, недалеко день, когда вложат: «Эх, в Москву бы», «Эх, в Харьков бы», «Эх, скакута здесь, грязь, ничего нет» отойдут в область преданий.

Горловка вает свои разбросанные предприятия трамвая, улучшает дорожки, озеленяет, создает сеть парков культуры и отдыха, домов отдыха, улучшает жилищные условия, на высоту поднимает работу Дворца культуры, окружает заботами и критикой свои творческие силы в области театра, литературы, музыки. Горловка стала могучим культурным центром, в который пролетариев будет тянуть, а старую Горловку, из которой люди бежали, в ней будет представлять огороженная стеною музейная, жалкая мазанка возле территории первой шахты.

Н. ЛЯШКО

Горловка, Август 1933 г.

ПОЭТЫ ДОНБАССА

Передостывая «многотомный каменный Донбасс» (П. Беспощадный) или узнавая «ровесников по широкому шагу, по легкому свисту» (Ю. Черкасский), поэт знает, что и его «как других, ожидает работа», что «суртрит, кто в строку верит».

Книги поэтов-донецов П. Беспощадного («Каменная книга») и Ю. Черкасского («Стрелы») прежде всего фиксируют эту высокую температуру классового чувствования мира. Перед нами хозяйское отношение к тому миру без меж — миру, где врубочка приходит на смену обушке, конгогон уступает место вожатому электровоза и возникают невиданные общественные отношения. Ю. Черкасский:

рад, что наверно и в Замоскворечьи И на шахтах донбасских, в окранный гари Одинаковым шагом, одинаковой речью

Как паролем, роднятся ударные парни

Павел Беспощадный говорит о своих товарищах:

Пообратим подземной корки. В этом ощущении кровного единства классом-создателем источник оптимизма и мажорности общей окраски творчества молодых поэтов.

П. Беспощадный дает многогранную картину социалистического строительства на Донбассе. Надо признать, что наиболее удачны те стихотворения т. Беспощадного, где образы конкретизированы, где уточнено место действия, где дается профессиональная характеристика.

«Богатые пласты» шахтерской жизни предстают перед читателем «Каменной книги» пока в своих отдельных блестящих, в отдельных глянцах, но всегда хорошо обработанных, не всегда осязаемых, как кровное, неотделимое тематическое достояние талантливого поэта. Образы («книга, книга с черным реплетом», «каменные звуки»), четкими, их многообразием позволяют Беспощадному по праву говорить, что он наш шахтерский разговор вложил в свои кривые строчки.

У Ю. Черкасского тема возникает из того нового человеческого материала, который составляет второе поколение революции: Не сдружившись с походкой медлительных ямбов поэтической песни.

По пути на завод начинается значительную часть книги Ю. Черкасского составляет лирика. Лирика, выходящая теми людьми и дружбы за пределы личного, частного.

Стихи на лирические темы наиболее интересны у Ю. Черкасского. Так же, как у Беспощадного, он отступает перед общими темами, хотя к нему и удается несколько замаскировать это лиризмическим узором. «Стихи о войне» особенно хороши в этом отношении.

Юрий Черкасский — талантливый поэт. В его стихах сказывается серьезная литературная учеба. Но он пока еще поэт конкретной, вещной, осязаемой темы.

Локальность тем Беспощадного и Черкасского позволяет им обогатить самый образный фонд поэзии, но она служит вместе с тем и известным предостережением.

Нужна более глубокая работа над мировоззрением. Нужно учиться видеть интерес и в несомненно отдельных гранях действительности, но и общими явлениями, всей совокупности явлений. Тут нет надобности искать особого философского камня. Без камня чудес — серьезной творческой оа поета могут поднять свое творчество на следующую ступень.

Н. ОРУЖЕЙНИКОВ

БРИГАДА ПИСАТЕЛЕЙ В ДОНБАССЕ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ОРГКОМИТЕТА ЦСП СССР ОТ 3 СЕНТЯБРЯ 1933 г., ПРИНЯТОЕ ПО СООБЩЕНИЮ БРИГАДЫ ПИСАТЕЛЕЙ ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ В ДОНБАССЕ (доклад т. Жиги).

Считать, что бригадой выполнена поручение Оргкомитета ЦСП СССР по работе в Донбассе. Для расширения и углубления этой работы провести следующие мероприятия:

1. Выделить постоянную группу Оргкомитета в составе тт. Жиги (председатель), Ляшко, Смеляков, Ю. Олеши, Селивановского, Федянина для систематической консультации произведений писателей Донбасса, выявления новых авторов и организации литературных сил Донбасса.
2. Организовать встречу московских писателей с руководящими партийными работниками Донбасса.
3. Послать на всесоюзное совещание писателей делегацию московских писателей.
4. Подготовить к съезду совместный альманах московских и донбасских писателей.
5. Поручить «Литгазете» дать страницу о работе бригады в Донбассе и систематически освещать литературную жизнь Донбасса.
6. Поручить редакции журнала «Литературный критик» дать обзор о литературе Донбасса.
7. Поручить редакции журнала «Октябрь» дать анализ отдельных книг, вышедших в Донбассе.
8. Договориться с центральной прессой о помещении статей о литературном Донбассе.
9. Через месяц заслушать сообщение на секретариате т. Жиги о работе бригады.

ЛИТЕРАТУРА ДЕЙСТВИЯ

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДОНБАСС ДАВНО УЖЕ НЕ «НАЧИНАЮЩИЙ». — О ЧЕМ ГОВОРЯТ ШЕСТЬ КНИГ «ЛИТЕРАТУРНОГО ДОНБАССА». — ПОВЕСТЬ О ПОДЗЕМНОЙ ГАЗОГЕНЕРАЦИИ УГЛЯ. — ЛИТЕРАТУРА ДОНБАССА — ОРУЖИЕ ДОНБАССА. — ШИРЕ ГОРИЗОНТ!

Писательский Донбасс, наша критика и наша литература — среда до сих пор еще склонна рассматривать иногда как кружок, «начинающий», «подходящих надежд». А между тем писательская организация Донбасса, одна из старейших в Союзе, за восемьдесят лет своего существования, действительно, сумела выдвинуть из своих рядов немало крепких, творчески одаренных, украинских и русских писателей, которые уже заявили о себе далеко не «пробными» стихами, новеллами, повестями и романами, таких писателей и поэтов, как Ю. Черкасский, П. Беспощадный, Г. Баглюк, Ф. Коляченко, В. Гайворонский, Захощенко, и, наконец, выступавший вот уже с третьей книгой Б. Горбатов.

Успехи этой группы товарищей, подлинившись за последнее время рядом способных «молодых», совершенно бесспорны, и лучшим доказательством этих успехов является в первую очередь сам журнал.

Перед нами — шесть книг «Литературного Донбасса» за 1933 год. Уже эти шесть номеров дают возможность определить творчество донбасских писателей как творчество, идущее от здоровых корней реалистического изображения действительности, и притом, главным образом, донбасской действительности, выдвинувшей и воспитавшей самих писателей. Писатели Донбасса ищут о том, что близко, и, надо отдать им справедливость, с большим знанием материала, со знанием, которому могли бы позавидовать и некоторые «маститые». Будучи хорошо знакомыми с задачами поставленными партией перед углем и металлом, они дают произведение, часто безупречные в смысле политического звучания.

Вот большой роман Ф. Коляченко «Гута», начатый в нескольких книгах, и, несомненно, являющийся центральной вещью журнала, если не считать романа «Роман» Б. Горбатова и романа «Межгорья» Ив. Ле. Донбассцы достаточно выросли и окрепли, чтобы можно было говорить не только о положительных, но и об отрицательных сторонах их произведений. И мы не скажем, что «Гута» — произведение художественно зрелое и законченное. Более того, мы скажем, что роман Коляченко формально слабее целого ряда других вещей, печатающихся в журнале.

И все-таки в целом «Гута» — произведение, наполненное живым, волнующим звучанием. Автор в своем романе дает картины реконструкции стального завода, рисует дачи, когда полукустарному предприятию, оставленному нам белгийцами, сданы каторжного труда стальные трубы и котлы. И один из них, приходит конец и на его месте должен быть сооружен гигант новейших методов производства, великодушных, почти дворцовых корпусов, умных, почти человекоподобных машин «Фурко». На фоне этих событий Коляченко дачи людей с их костостью, страстями и пороками, берущими свое начало в дымных, пропеллантных туманках, заряженных цехах старого завода, людей, в большей своей части сопротивляющихся новому, не понимающих смысла событий, но людей, которые в процессе перестройки завода незаметно перестраивают себя.

Роман у Коляченко получается крепкий, с воздухом и перспективой, и хотя в нем не сказано последнее слово, — знание, куда эти люди идут и что они будут представлять собою завтра. Пути намечены. Видно, как они уходят валь. Действие еще не закончилось. И в этом ценность романа и знак того, что автор преодолевает недостаток своего «писма». К слову сказать, наряду с недостатками в «Гуте» есть немало ярких, просто хороших мест. Сцена получения зарплаты, когда жена отбирает у неподатливого мужа заработок, предназначенный для «весьялы» — сцена убедительного напряжения. Не менее ярка и художественно выразительная глава, в которой человек смотрит, как валютает высокие стены старой Гуты. Картина почти символическая.

Повести В. Торина «Утверждение», написанная по-русски, привле-

кает внимание прежде всего своим материалом. В основу повести положено великодушный материал — борьба за первый опыт подземной газогенерации угля.

Рождение новой советской рабочей интеллигенции, рождение, которое в свою очередь рождает смелые идеи и дерзания восходящего класса, — это суть «Утверждения». Страна, строящая социализм, уже имеет возможность и умеет по слову Ленина зажечь подземные пожары. Она уже имеет для этого не только все необходимые экономические предпосылки, — она имеет рабочий класс с головой инженера, профессора, мыслителя, — такова идея «Утверждения».

Что характерно для творчества донбассцев? Прежде всего сознание того, что литература — оружие. Писатели Донбасса любят Донбасс. Они стремятся к произведению, проникнутые стремлением помочь партии в борьбе за социалистическую реконструкцию. Несомненно, что и роман Коляченко «Гута» и повесть Торина «Утверждение» помогут индустриальному Донбассу в этой борьбе. Несомненно, что стихи Павла Беспощадного, в частности отрывок из его поэмы «Расплата», сделают такое же нужное дело.

Стихи Беспощадного обладают способностью превращать в песню, распевание, в песню шахтерской ности, выдвинувшей и воспитавшей самих писателей. Писатели Донбасса ищут о том, что близко, и, надо отдать им справедливость, с большим знанием материала, со знанием, которому могли бы позавидовать и некоторые «маститые». Будучи хорошо знакомыми с задачами поставленными партией перед углем и металлом, они дают произведение, часто безупречные в смысле политического звучания.

Вот большой роман Ф. Коляченко «Гута», начатый в нескольких книгах, и, несомненно, являющийся центральной вещью журнала, если не считать романа «Роман» Б. Горбатова и романа «Межгорья» Ив. Ле. Донбассцы достаточно выросли и окрепли, чтобы можно было говорить не только о положительных, но и об отрицательных сторонах их произведений. И мы не скажем, что «Гута» — произведение художественно зрелое и законченное. Более того, мы скажем, что роман Коляченко формально слабее целого ряда других вещей, печатающихся в журнале.

И все-таки в целом «Гута» — произведение, наполненное живым, волнующим звучанием. Автор в своем романе дает картины реконструкции стального завода, рисует дачи, когда полукустарному предприятию, оставленному нам белгийцами, сданы каторжного труда стальные трубы и котлы. И один из них, приходит конец и на его месте должен быть сооружен гигант новейших методов производства, великодушных, почти дворцовых корпусов, умных, почти человекоподобных машин «Фурко». На фоне этих событий Коляченко дачи людей с их костостью, страстями и пороками, берущими свое начало в дымных, пропеллантных туманках, заряженных цехах старого завода, людей, в большей своей части сопротивляющихся новому, не понимающих смысла событий, но людей, которые в процессе перестройки завода незаметно перестраивают себя.

Роман у Коляченко получается крепкий, с воздухом и перспективой, и хотя в нем не сказано последнее слово, — знание, куда эти люди идут и что они будут представлять собою завтра. Пути намечены. Видно, как они уходят валь. Действие еще не закончилось. И в этом ценность романа и знак того, что автор преодолевает недостаток своего «писма». К слову сказать, наряду с недостатками в «Гуте» есть немало ярких, просто хороших мест. Сцена получения зарплаты, когда жена отбирает у неподатливого мужа заработок, предназначенный для «весьялы» — сцена убедительного напряжения. Не менее ярка и художественно выразительная глава, в которой человек смотрит, как валютает высокие стены старой Гуты. Картина почти символическая.

Повести В. Торина «Утверждение», написанная по-русски, привле-

ПОВОРОТ К СОЛНЦУ

В ночь с двадцать первого на двадцать второе мы шли с товарищем Фурером, секретарем парткомы крупной шахты района Донбасса, по перестроенной ночной, яркой и цветущей самыми нежными красками Старой и Новой Горловки.

Это была моя первая летняя ночь, когда я не смотрел на звезды, потому что на земле стояли гораздо более интересные вещи. Цвета широкая янтарная кукуруза, чуть почкаивались круглобокие подсолнухи, ровные в двенадцать часов ночи медленно раскрывались белый табак, наклонялись астры и георгины. Тихо дышали длинные невысокие полосы голубых и желтых, черных и малиновых, прямых и еще нераскрытых цветов. Шумели августовские деревья. И на главной улице висели круглые большие электрические лампы.

Это далеко не беспартийные цветы. Их сажали по постановлению партийного комитета. Семена возили из Харькова. Их растили большевики под руководством бюро горкома. Из-за них спорили на ночных заседаниях, их списки проходили через руки опытных людей.

Это были цветы второй пятилетки Донбасса. Цветы шли не одни. Строится и перекраиваются дома, открываются театры и рестораны, проводится работа для трамвая, делается широкий стадион, ломаются старые, прокопченные земляные жилища.

Большевики реконструируют землю. Они роют ямки и негнущимися пальцами сажают туже цветы. Они насыпают грунт и укладывают шпалы.

Земля, скрипя, поворачивается на предполагаемой оси. Она на двенадцать-четырнадцать часов ставит нашу страну под летнее солнце.

Большевики Горловки режут и раскрывают ее, эту памятную богатую землю. Они показывают открытым солнцу и любящую страну шахтерам настоящее социалистичес-

кое лицо земли. Показывают ее профиль. Убеждают, что прекрасен труд, что наша жизнь богата и разнообразна. Они делают так, чтобы после работы горняки радостно и уверенно ходили поверху, по цветам и скрипящей траве, под белыми шарами ламп и деревьями.

Товарищ Фурер идет, как победитель, знающий цену тому, что делает. Он поднимает руку, и я олять начинаю чувствовать себя мальчишкой. За его рукой тянутся цветы, наклоняются деревья. Он ведет ее вправо, и я вижу новые дома, залитый светом универсам. Мы прощаемся с ним в Старой Горловке, около двери его дома. Шумит шахта. Спят шахтеры великой страны. И я уже начинаю чувствовать какую-то материальную заинтересованность во всех делах района. Мне тоже хочется не спать ночами над проектами, таскать песок и водить мягкой, мокрой кистью по стене одноэтажного дома. Мне хочется вместе с бедными химиками и покрытыми шрама-

ми забойщиками, с вдохновенными домашними хозяйками, с инженерами и членами горкома разрушить и строить. Рисовать и отходить шага на три дня того, чтобы, прищипывая, увидеть сделанное.

И вот стоит над шахтерской Горловкой вторая ночь. Я сижу в комнате приежик «Артемугля», грызу папиросы и пишу честной неопытной прозой о том, что меня волнует и подымает.

Мне завтра надо уезжать. И мне грустно. Я успею по-настоящему познакомиться Горловку. Я хочу смеяться над старым и растить новое. Я люблю Горловку, как люблю в детстве Черномырь Воронеж, как люблю домающую церковь старую опытную Москву, как люблю зимний Ленинград, нашедший себе достойное имя, как северный бетонный Свердловск, в котором расстрелял Николая Романова, тихий город Курск, железный Магнитогорск, тракторный, покрытый песком Челябинск, станцию Топкина,

ФОТОМОНТАЖ ХУД. КЛУЩИСА.

НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ИСТОЧНИК ГЕРОЕВ И ТЕМ

В борьбе за выполнение планов Донбасс дал тысячи Изготовов в каждой профессии и отрасли промышленности — новых социалистических героев, сознающих, что дело не в единицах, а в подеме всей массы.

Казалось бы, задача советской литературы — прийти на помощь сотням и тысячам Изготовов, партийной организации Донбасса, всей партии, в художественной форме рассказать об этих героях. Из сотен Изготовов, Ловчиковых, Колобовых создать в литературе тип нового человека, по которому можно было бы ориентироваться.

Донбасс, как правильно сказала зав. культурного обкома КП(б)У т. Сергеев, в смысле литературы — «неподнятая целина». Это вполне правильно, особенно в то время, когда борьба выдвигает именно здесь, в Донбассе, новых людей, новых богатый материал для художников слова. Сколько интересных процессов, сколько интересных тем можно поднять! Взять хотя бы факт, когда классовый враг пробрался в семью бригадира Рябошапки, чтобы разложить семью, состоящую из семи человек — бригадиров. Лидоучу Колобову, сознательно борющемся за шахту, за план, втянувшую в эту борьбу всю семью и пионерский отряд. Марию Ловчикову, порвавшую муженька-троцкиста, растли ступок которой был одобрен не только передовыми рабочими-шахтерами Союза, но и рабочими Германии, Франции и Испании.

Мы здесь говорим только о контурах темы, а ведь все это происходит не так легко. И Кате Рябошапка, и Марии Ловчиковой оно давалось в процессе напряженной борьбы и с собой, и с окружающей обстановкой.

В Донбассе есть свои писатели, растущие авторы, а некоторые, как Б. Горбатов, Григорий Баглюк, Василий Гайворонский, Л. Ковалевский, поэты Павел Беспощадный, Юрий Черкасский, Герасименко, Меллер, вышли во всеукраинскую и даже всесоюзную печать. Но это пока единицы. Им надо еще многому учиться, в особенности много учиться надо молодячку (Григорий Стещенко, Захощенко и др.).

Оргкомитет ЦСП Союза и Украины в подготовке к съезду должны будут всемерно помочь растущим донбасским кадрам в овладении писательским мастерством, выявлять способных товарищей. Для этого желательно было бы прикрепить к Донбассу несколько писателей, в частности к Горловке, которые, работая над темой из жизни шахтеров, помогали бы, растили писателей из шахтеров, металлургов, химиков Донбасса. Особенно важно и нужно должна поработать критика центральных журналов и литературного Донбасса.

В порядке самокритики следует сказать, что вопросы роста своих литературных кадров, как и литературы вообще, парторганизации в Донбассе занимают слабо, а в большинстве и совсем не занимают.

Нужен сдвиг в литературном движении Донбасса. Здесь еще большой неисчерпаемый источник тем и людей, которые при учебе, при систематической помощи могут вырасти в значительных писателей.

Наконец, об издательствах и прессе книг, особенно художественной литературы. Тут надо прямо игнорирование, неучет запросов масс, расчет на то, что в Донбассе можно направлять все, что угодно, только не высокохудожественные вещи. Достаточно привести один факт. В такой крупной промышленности район Донбасса, как Горловский, по плану заводу «Поднятая целина» пошла в количестве... одного экземпляра.

В Донбассе большая тяга к литературе. Приезд бригады оргкомитета ЦСП и «Литгазеты» еще больше усилил эту тягу. Надо помочь этим работникам. Надо помочь этим работникам — великая и трудная задача. А без этого нельзя показать Донбасс! Надо идти на эти трудности, надо дерзнуть! Мечта моя — дать книгу о партии на материале Донбасса. С этой целью всю предстоящую зиму буду работать там.

М. КОЛЕСНИЧЕНКО

Редактор газеты «КОЧЕГАРКА» Горловка

КОРОТКО ОБ УСПЕХАХ

* За четыре года — с 1923 по 1928 — донецкие писатели дали всего четыре книги, в том числе три сборника. С 1929 по 1932 год было издано семь книг. Со времени опубликования решения ЦК донецкие писатели издали более тридцати книг; кроме того десять книг находятся в харьковских и московских издательствах (подготовлены и приняты к печати).

* В журнале «Литературный Донбасс» в этом году печатается восемь крупных вещей: из них шесть написаны донецкими писателями и тематически связаны с жизнью Донбасса. Наконец, о творческом росте донецкого литературного движения свидетельствует самый факт издания последнего журнала и наличие группировки писателей вокруг него.

Активными участниками группы писателей (БАГЛЮК, ГАЙВОРОНСКИЙ, СЕМЕНОВ, ЧОРНЫЙ, КОВАЛЕВСКИЙ, МОРЯГИН, ЗАХОЩЕНКО, БЕСПОЩАДНЫЙ, ЧЕРКАССКИЙ, ГЕРАСИМЕНКО и другие).

* Специальное совещание, проведенное обкомом КСМ, повернуло работу литераторов на новый путь. Сейчас в Донбассе работает 30 литературных кружков.

В помощь литераторам был мобилизован также творческий актив «Литературного Донбасса». Только за первое полугодие журнал «Литературный Донбасс» дал кружкам более ТРЕХСОТ КОНСУЛЬТАЦИЙ

ВСТРЕЧА С БУДУЩИМИ ГЕРОЯМИ ПИСАТЕЛИ В ШАХТЕ МЕТРО

На глубине в 22 метра под Охотным рядом встретились недавно писатели с ударниками, строителями метрополитена.

У входа в шахту № 12 писатели встречали метростроителей. Подходят Демьян Бедный, Безыменский, Вера Инбер... Они надевают резиновую спецодежду и по узким переходам идут к спуску под землю.

Скрежещет бетономешалка. Воют вентиляционные механизмы. Откуда-то каплет вода. Одна тесная площадка, другая, третья.

На глубине в 22 метра вдруг ослепляет затаятый ярким светом гигантская труба тоннеля. Концентрические круги бетонных стен сходятся в глубине к одной точке.

... Когда писатели поднялись на поверхность земли, за столами завязалась товарищеская беседа с лучшими ударниками шахт.

Начальник Метростроя т. Ротерт рассказал писателям о том, каким будет метро.

— Я работал на многих стройках, — говорит он, — работая — на крупнейшей нашей стройке — Днепрострое. Я знаю, как велика сила слова, как зарождал строителей на героические дела яркое художественное слово. Поэтому я у меня строители метро обращаются к вам с желанием — пусть эта встреча не будет последней.

Слово попросил т. Кирпотин.

— Мы были под Охотным рядом. Охотный ряд вызывает пейзажные ассоциации: церковь, булыжная мостовая, азиатские строения, — так было до революции. Затем следуют ассоциации социального протеста: снахороняция, кадры черной сотни, — так было в годы самодержавия. Социализм меняет облик городов. Изменился и Охотный ряд. Но социализм прокладывает и под землей хорошие, красивые и скорые пути.

Затем говорили: Лев Никитин, тоннельный мастер Макар Федосевич Воробьев, бригадир сквозной комсомольской бригады Возмз Замудинов, дозцы: Безыменский, Кирсанов, Вера Инбер, писатель Богданов.

Все их выступления были пронизаны общей мыслью — сегодня мы встретились с будущими героями

наших романов, повестей, рассказов и поэм. О метро будут написаны книги.

А. Архангельский в стихах передает свое впечатление о прогулке под Охотным рядом:

Пусть качество ярко заблещет
В количестве наших строк.
Напишем лучшие вещи
О лучшем в мире метро!

Вера Инбер прочла свой экспромт:

Товарищи, мы счастливы, мы рады,
Что лучший в мире (это ясно всем)
У нас в стране надземный распорядок

И под землей метрополитен.
... Прерываемый аплодисментами говорил Демьян Бедный.

— Товарищи ударники! Мы, писатели, — люди праздника. Мы приходим на стройки, на торжества пуска, когда все готово, все чисто, когда поэзия осталась тяжелыми буднями строительства. Страна празднует очередную победу — и тогда появляется на сцене писатель.

Мы не успеваем повсюду быть, где еще черновая работа. Во многих местах нам говорят: а про нас забыли!

Мы не успеваем быть всюду — это наше счастье. До такой степени грандиозна наша жизнь, что нас, писателей, даже количество нехватает. Учитесь писать сами, товарищи! Ваша лептина будней строительства метро будет иметь большое художественное значение и послужит для нас, писателей, сырьем.

Я предлагаю пацками спускаться в шахту всех нытиков и маловеров, которые еще у нас не перевелись. Пусть смотрят и удивляются.

Поэт — я и пишу до поту.
Но пот в земной утробе лить...
Нет, вашу трудную работу
Мне как-то совестно хвалить.
Зато чрез год, когда земное
Вы распрощаете мудро
И направленные основные
Прожерет быстрее метро,
Когда награды вас по праву
Включат в героическую семью,
С каким восторгом вашу славу
На весь Союз я воспую!

Г. Грд

Дружеский шарж К. РОТОВА

И. Э. БАБЕЛЬ

11 сентября редакция «Литературной газеты» и редакция «Вечерней Москвы» устроили вечер встречи вернувшегося недавно из-за границы И. Бабеля с московскими писателями, критиками и журналистами. На этом вечере Бабель рассказал собравшимся о своих впечатлениях, высказавшись в похвалу Италии, Франции и Германии. Его рассказ, отличающийся остротой характеристик и выразительностью, раскрыл перед собравшимися картину культурного упадка буржуазного Запада.

БРИГАДА ВЫЕХАЛА НА ВОЛГУ

16 сентября писатели Ф. Панферов, Б. Галин, О. Чертова, члены комиссии по изучению областных литератур РСФСР, выехали в Среднюю Волгу.

У ПОРОГА ЛИТЕРАТУРНОГО ГОДА

ПИСАТЕЛИ НАЧИНАЮТ ХОРОШО — С ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ. ОРГКОМИТЕТ ОТСТАЕТ. ВСТРЕЧА ПИСАТЕЛЕЙ С т. СТРУПЦЕ, ХИБИНЫ, НЕВАСТРОЙ, КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ, БОРОВИЧСКИЙ УГОЛЬ, ЛЕН — ЖДУТ ПИСАТЕЛЯ

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Зимний сезон в литературном Ленинграде начался вне узколитературных рамок, вне «коридорно-издательских» интересов, долгое время характерных, увы, для писательской среды.

Группа ленинградских писателей участвовала и в экскурсионном ударничестве в экскурсионном ударничестве Балтийский канал. Другая группа драматургов только приехала из колхозов и совхозов. Алексей Толстой, Вяч. Шников, Николай Никитин участвовали в работах по подему «Садко»...

Так начинается зимний сезон. И задача ленинградского Оргкомитета — еще больше расширить круг интересов ленинградских писателей, еще в большей степени связать их с самыми разнообразными участками социалистического строительства. Сделано для этого Оргкомитетом еще очень мало. После перемены всеобщего съезда писателей работа Оргкомитета фактически свернулась и замерла. Отставание это тем более непростительно, что надо учесть зарплату, энергию, с которой вернулись писатели из всех поездок и экскурсий.

— Я только что вернулся из большой поездки на Север, — рассказывает, например, Николай Никитин, — я видел Белое море, рыболовов, подводную работу Эпрона. Я видел новые дороги, вновь возникшие в тундре города, рудники, совхозы, заводы и в заключение всего — Беломорско-Балтийский канал. Эти впечатления настолько велики, что хочется самому броситься в эту огромную работу и практически принять в ней участие.

Правда, сейчас Оргкомитет активизирует этот участок своей работы. Была проведена, например, встреча делегации писателей с председателем ленинградского облисполкома т. Струпецом в сельском хозяйстве Ленинградского облисполкома. Беседа эта была встречена писателями с большим интересом.

ПИСАТЕЛИ НАЧИНАЮТ ХОРОШО — С ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ. ОРГКОМИТЕТ ОТСТАЕТ. ВСТРЕЧА ПИСАТЕЛЕЙ С т. СТРУПЦЕ, ХИБИНЫ, НЕВАСТРОЙ, КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ, БОРОВИЧСКИЙ УГОЛЬ, ЛЕН — ЖДУТ ПИСАТЕЛЯ

— Встреча писателей с т. Струпцем, — заявил, например, представитель писательской молодежи С. Сажин, — начинающая цикл встреч с руководителями партийных и советских организаций, открывает новые возможности творческой работы литераторов. Наш Север, наша область — неисчерпаемый запас тем. Любой клочок земли — это героическая поэма, роман и пьеса. Хибини, Невастрой, Кольский полуостров, Боровичский уголь, лен — трудно перечислить все эти участки, которые должны войти в литературу...

На днях состоялось первое расширенное заседание редакционной коллегии «Литературного Ленинграда». Заседание превратилось в широкое литературное собрание, на котором можно было встретить почти весь литературный актив — прозаиков, поэтов, критиков, драматургов. И писатели, отмечая, что у «Литературного Ленинграда» все данные быть настоящим боевым органом, что у молодой газеты «прорезаются зубы», все же подвергнули критику ряд ее серьезных недочетов. Газета, особенно в первых номерах, занималась, главным образом, отобразительством, не ставила вопросов, проблем, волнующих «Литературный Ленинград».

Кроме ряда творческих вопросов, которыми рекомендовано заняться «Литературному Ленинграду», на собрании затронут и ряд вопросов, касающихся литературной среды, «литературного быта». Одним из них является «ежегодная вражда» между поэтическими группировками, не имеющая ничего общего с творческим соревнованием и так называемой творческой борьбой.

— Наши поэты, — утверждал прозаики, — живут как... пауки в

МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЕ В СССР

Крупнейший революционный писатель Скандинавии Мартин Андерсен-Нексе после краткого пребывания в Ленинграде и поездках по Беломорско-Балтийскому каналу прибыл 10 сентября в Москву.

Мартин Андерсен-Нексе был встречен на вокзале представителями МОРП, Оргкомитета ССП и ВОКС.

12-го утром т. Нексе осмотрел выставку «XV лет РККА», затем был принят редакцией «Правды».

13 сентября т. Нексе присутствовал на чистке писателей-коммунистов. В присутствии т. Нексе чистку прошли писатели Бега Илеш и Иван Катаев.

Мартин Андерсен-Нексе выступил в прениях у Бега Илеше.

— Ни один писатель не может дать больше, — сказал Нексе, — чем то, что он сам пережил и изучил. Поэтому лучшими писателями являются те, которые принимают активное участие в революционной борьбе. Именно поэтому писатели Советского союза могут так много дать писателям Западной Европы.

Председатель комиссии по чистке т. Магидов приветствовал Мартина Андерсена-Нексе как «одного из старейших, одного из лучших, одного из наиболее влиятельных писателей мирового пролетариата».

МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЕ

Оргкомитет организовал товарищескую встречу т. Нексе с советскими писателями.

— Мы, — сказал т. Юдин, — ожидаем от величайшего друга Советского союза, от непримиримого врага капитализма одного: он должен сказать западноевропейскому пролетариату одну только правду о Советском союзе. Правда о социалистическом строительстве, правда о великом искусстве, присущем Мартину Андерсену-Нексе, будет одним из самых мощных орудий против клеветы, распространяемой об отечестве мирового пролетариата.

Отвечая на приветствие, Мартин Андерсен-Нексе говорил о своих

прежних поездках в Советский союз.

— Нет большого счастья, чем видеть собственными глазами результаты побед социалистического строительства. Я был в Советском союзе во время гражданской войны, был здесь во время знопа, был в период первой пятилетки и снова здесь — дома. Вы, живущие здесь постоянно, можете быть не в состоянии полностью осознать ваши громадные успехи. Ваша действительность лучше самых прекрасных наших слов...

Т. Нексе рассказал также о внутренней слабости фашизма и с ненавистью говорил о гнуснейших врагах рабочего класса, о социал-демократах.

Писатели Вс. Вишневский, Р. Азарх и Ив. Катаев рассказали т. Нексе о методах своей творческой работы. Тов. Людвиг (МОРП) говорил о работе иностранных писателей в СССР.

14 сентября т. Нексе осмотрел выставку «Шарикоподшипник» им. Л. Кагановича и выставку «XV лет советского искусства».

БЛАГОДАРИМ СОВЕТСКИМ ДРУЗЬЯМ ПИСЬМО М. А. НЕКСЕ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

К самым интересным часам, проведенным мною в Советской России, относятся те, которые я провел с моими здешними коллегами. В Дании и вообще в Западной Европе и в частности в родном Копенгагене, я всегда был в одиночестве, а здесь, в Советской России, я всегда был среди друзей. И каждый разговор с здешними коллегами и друзьями, которые находят меня чересчур индивидуальным, действует на меня подобно общению.

Я благодарю за милый радушный прием и остаюсь с товарищеским рукопожатием преданным вам —

друзей я могу научиться гораздо больше, чем они у меня. Если я сохранил свое пролетарское сердце чистым, — а я думаю, что мне это удалось, — то я должен быть за это благодарен высочайшему и прекраснейшему факту, который только видел когда-либо мир — СУЩЕСТВОВАНИЮ СОВЕТСКОЙ РОССИИ!

И каждый разговор с здешними коллегами и друзьями, которые находят меня чересчур индивидуальным, действует на меня подобно общению.

Я благодарю за милый радушный прием и остаюсь с товарищеским рукопожатием преданным вам —

Martin Andersen-Nexo

СОВХОЗНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ О «БРУСКАХ»

В подмосковный останкинский плодоловский совхоз приехала бригада писателей (А. Богданов, И. Нович) во главе с Ф. Панферовым. Писатели внимательно ознакомились с производством, работой отдельных цехов совхоза. Беседовали с ударниками совхоза.

Вечером в клубе совхоза открылась первая читательская конференция, приуроченная к открытию первой библиотеки в совхозе.

— Писатель Панферов правдиво описал нашу жизнь в «Брусках». В этом центре романа, — говорит т. Монохов, — «Бруски» войдут в историю художественной литературы, описывающей колхозное строительство. Эта книга — программа в нашей работе. И сейчас в работе останкинского совхоза мы наблюдаем ряд кулацких вылазок — порча волопровода (у Панферова в «Брусках» кулаки портят трактор). Изучив «Бруски», мы сумеем лучше бороться за выполнение профпланов.

Огромное значение «Брусков» подчеркнул и т. Иванов, председатель писательского требования колхозников и положительных героев нашей стройки.

Выступают секретарь партячейки т. Присмотров, директор совхоза т. Куликов, зав. библиотекой т. Новоселов, Попов, Лобанов, — они выдают предложения — ходатайствуют перед партийными организациями о присоединении останкинского плодоловского совхоза имени Панферова и создать литкружок его имени.

После краткого приветственного слова А. Богданова выступает Ф. Панферов.

Писатель рассказал рабочим, какое впечатление на него оставил обход цехов совхоза, о своих беседах с лучшими ударниками, привел примеры прежней безрадостной жизни крестьян дореволюционной деревни.

— Мы, писатели, хотим своими произведениями помочь рабочему классу найти лучшие методы борьбы за социализм. Рабочие-читатели должны более критически относиться к книгам советских писателей, в частности, к моему творчеству, — говорит т. Панферов, — указывать на мои недостатки.

У ПОРОГА ЛИТЕРАТУРНОГО ГОДА

ПИСАТЕЛИ НАЧИНАЮТ ХОРОШО — С ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ. ОРГКОМИТЕТ ОТСТАЕТ. ВСТРЕЧА ПИСАТЕЛЕЙ С т. СТРУПЦЕ, ХИБИНЫ, НЕВАСТРОЙ, КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ, БОРОВИЧСКИЙ УГОЛЬ, ЛЕН — ЖДУТ ПИСАТЕЛЯ

ПИСАТЕЛИ НАЧИНАЮТ ХОРОШО — С ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ. ОРГКОМИТЕТ ОТСТАЕТ. ВСТРЕЧА ПИСАТЕЛЕЙ С т. СТРУПЦЕ, ХИБИНЫ, НЕВАСТРОЙ, КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ, БОРОВИЧСКИЙ УГОЛЬ, ЛЕН — ЖДУТ ПИСАТЕЛЯ

ПИСАТЕЛИ НАЧИНАЮТ ХОРОШО — С ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ. ОРГКОМИТЕТ ОТСТАЕТ. ВСТРЕЧА ПИСАТЕЛЕЙ С т. СТРУПЦЕ, ХИБИНЫ, НЕВАСТРОЙ, КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ, БОРОВИЧСКИЙ УГОЛЬ, ЛЕН — ЖДУТ ПИСАТЕЛЯ

банке. Поэты, принадлежащие к одной группировке, не только приносят (и) не читают своих «противников», но не могут равнодушно прознести имени своих

видное место и в работе самого Оргкомитета?

Одна из основных задач, поставленных Оргкомитетом перед литер...

Из литературных вечеров, прошедших в последние декады в Ленинграде, надо отметить два вечера, посвященные И. С. Тургеневу в связи с 50-летием со дня смерти писателя. Первый вечер состоялся в ленинградском отделении Комкадемии.

Открывающий его, проф. Спокойный охарактеризовал творчество Тургенева. Несмотря на классовую ограниченность реализма Тургенева, — сказал проф. Спокойный, — все же его произведение представляют для нас большое значение как образцы крупного художественного мастерства, отображающие с определенной классовой тенденцией действительность своей эпохи. Тургеневу как художнику был посвящен доклад С. Малахова. Между прочим, т. Малахов полемизировал с Л. Каменевым, который в статье в «Литературном Ленинграде» поставил знак равенства между Рубиным и Бакуниным. В большом докладе О. Адамович дал анализ драматургического творчества Тургенева.

На втором тургеневском вечере в Музее Города выступил президент Академии наук СССР А. П. Карпинский. — Ученый и художник, — сказал А. П. Карпинский, — оба одинаково обогащают человеческую мысль глубоким проникновением в сердцевину окружающих явлений.

Ленинград

Краснознаменный ЭПРОН поднимает мощный ледокол «Садко». На фото: писатели А. Толстой, В. Шников, Н. Никитин и Соколов-Микитов беседуют с начальником ЭПРОН тов. Ф. Крыловым.

ратурным Ленинградом, — подготовка к всеобщему съезду писателей. Работа эта, должны мы констатировать, в Ленинграде почти прекратилась, если не считать случайных и проходящих без всякого отклика встреч драматургов с читателями, и еще более случайных литературных вечеров. Недавно был организован районный литвечер в Октябрьском районе, где имеется

ТЕАТР „МАНЧЖУРИЯ — РИГА“

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НОВЫЙ ТЕАТР

Вокзальный звонок, свисток кондуктора, гудок паровоза — и экспресс, курсирующий между Манчжурией и Ригой, отправляется в путь через широкие пространства Советского союза. Мимо бегут города, села, сверкающие огнями промышленные гиганты, мелькают телеграфные столбы, проплывают реки и озера. А за окнами нескольких вагонов мчащегося экспресса идет своеобразная жизнь путешественников, случайных спутников, обремененных плацкартой, выданной станционными кассиром.

Американский промышленник, возвращающийся с милой женой с изнурительного путешествия. Германский архитектор, едущий из Японии на работу в Советский союз. Парижская портниха, возвращающаяся в Европу из деловой поездки по Азии. Глава немецкой фирмы, едущий в Берлин.

И рядом, отделившиеся тонкой стеной вагонного купе, — советские хозяйственники, командированные в Манчжурию, начальник пограничного пункта, направляющийся на отдых в Сочи, молодая женщина-инженер, комсомолка, едущие в Москву на учебу, и, наконец, расстрички, отбывший срок наказания.

Вся эта пестрая компания объединена несколькими десятками метров поездного пространства. Дружеские встречи, короткие стачки, вспыхивающие политические споры, знакомства, ведущие в ЗАГС, забавные дорожные происшествия, ссоры, примирения и расставания.

Такое в кратких словах содержание пьесы молодого драматурга Фурманского. Как видно из этого беглого пересказа, пьеса Фурманского не является целостной драмой с крепким сюжетом и с завязанной интригой. Это — типичное обзорное полотно, в котором одна сцена сменяет другую, связываясь между собой только территориально. Автор переходит от одной группы персонажей к другой, с легкостью бросая их на полуслове, закрывая за ними дверь купе и выходя в вагонный коридор.

Внимание автора распределено между персонажами этого обзорного полотна. Никто из них не ведет действия, никто не берет в свои руки тему пьесы. Драматург ограничивается только схематическим противопоставлением двух лагерей: советского и капиталистического, не доводя этого противопоставления до обостренного драматического конфликта.

Самые характерные персонажи сделаны с разрывом в своем образе. Автор обходит их с внешней, неглубокой рисунке и производит впечатление беглых путевых набросков и эскизов.

Автор умеет найти выразительные черты в обзорное своих дорожных спутников. Почти каждый из них наделен характерными штрихами, почти каждый из них имеет в пьесе два-три выразительных момента — комедийных или драматических по звучанию. Но нигде в пьесе образы не поднимаются до самостоятельной темы. Они промелькывают в окнах вагонов в мелькающих и несложных очертаниях.

Пьеса, бесспорно, написана талантливо и оригинально. Сама форма обзорного произведения Фурманским с хорошим вкусом, тактом и с известным мастерством. В переходе от одного эпизода к другому достигнута необходимая легкость и свобода. Автор излагает свои дорогие впечатления и наблюдения в тонах непринужденного рассказа. Благодаря этому разрозненные пестрые эпизоды пьесы смотрятся легко, без утомления, обычное для поверхностных обзорных пьес. У Фурманского есть наблюдательность и умение неограниченно штрихами дать запоминающийся облик действительности.

Но всех этих положительных качеств автора «Манчжурия—Рига» мало для того, чтобы поднять действие до самостоятельной и свежей темы. По своему содержанию пьеса не далеко ушла от схематичного агитационного представления с обремененным публицистическим тезисом. В этом отношении «Рига—Манчжурия» — вечерний день нашей драматургии.

При постановке на сцене пьеса Фурманского требует от театра

большого такта и изобретательности. Построенная на ослабленном сюжете, не имеющая разработанных образов, лишенная внутреннего драматического движения, она требует оживления и раскраски ее чисто сценическими средствами: постановочными трюками, декоративным оформлением.

Театр много сделал для того, чтобы наиболее выгодно подать собою эту пьесу. Та легкость и непринужденность, с которой смотрится спектакль, в значительной мере идет от театра, от постановщика (реж. Кричка) художника (А. Босулаев) и актеров. Технический спектакль сделан с тонким художественным вкусом, просто и занимательно. Отсутствие внутреннего движения компенсируется тщательным сделанным динамическим декоративным оформлением и остроумно сконструированными игровыми эпизодами.

Спектакль привлечет внимание зрителя и, нужно думать, будет пользоваться успехом. Он построен и разыгран актерами весело и свободно. Однако самый материал ролей мало весом по качеству. Все роли пьесы — эпизодические. Они составлены из разрозненных кусков, из изолированных сцен. Это не дает возможности остановиться более подробно на исполнении актеров, особенно на исполнении ярких опорных пунктов. Материал ролей явно ниже возможностей актерского коллектива театра.

Б. АЛИЕРС

Вечер комсомольских поэтов второго призыва состоялся 11 сентября в Политехническом музее. На вечере с успехом выступили поэты: Смирнов, Долматовский, Ойлендер, Федейков, Заматин, Н. Васильев, Абрамович, Сидоров, Сухарев, Жислин и Хеленский. Вступительное слово от ЦК ВЛКСМ сказал т. Андреев.

Собрание драматургов Ленинграда состоялось 10 сентября. Был заслушан доклад представителя ЦБ писателей о работе московского группника и итогах пленума ЦБ. Собрание утвердило организацию ленинградского группника драматургов с руководителем составом: т. М. Зощенко, В. Каверина, А. Тур, А. Флинта и др. Председателем группника избран М. Зощенко.

Газета «За мир и труд», орган ревкома СКВ, выпустила литературную страничку, посвященную оборонной тематике и созданию бойкой военной комсомольской пьесы.

Вечернее дежурство литконсультантов организовано с 1 сентября литконсультацией ГИХЛ (от 4 до 7 часов вечера).

Новые книги сибирских писателей выходят в издании Зап.-Сиб. ОГИЗ: «Мистер Инверент» Г. Павлова, «Белый кит» В. Игна, «Сборник стихов» Илья Мухачева и И. Алексеева. Е. Филиппыч (Иванов) пишет книгу очерков о Хакасии, которую он изучал несколько лет. Г. Вяткин закончил книгу «О женщине и ребенке», цикл очерков о раскрепощении женщины.

Сборник «Поэты — Автодору» готовится к печати ЦС Автодора. К сборнику привлечены тт. Демьян Бедный, А. Безыменский, Мих. Голдман, А. Жаров, С. Кирсанов, Ник. Ушаков, Л. Данигач и др. Сборник выйдет в конце октября.

В статью о чистке ячеек советских писателей «Не интересны группы, а интересны партии выше всего» («Литература», № 42, стр. 4) вкрались опечатки (2 стр. в пер. 17 сверху); напечатано: «2 стр. в пер. 17 сверху»; напечатано: «до интеллигентства», должно быть: «в период побед советской власти над интеллигентами».

Ф. ФЕДОТОВ

Умер Федор Федотов — нач. полит. отдела Алтайского зерносовхоза. Биография Федотова — биография профессионального революционера. Родился т. Федотов в 1897 г. Рабочий шахтер-забойщик, он был и токарем, и грузчиком, и котелом на океанских пароходах. В партию т. Федотов вступил в 1914 году в Нью-Йоркскую секцию большевиков, за границей, куда должен был бежать после провала организации, с которой он был связан в России. В Америке Федотов принимал активное участие в революционном движении. Являлся одним из организаторов американской компартии. Был несколько раз арестован и сидел в тюрьме. Был приговорен к 10 годам каторги. Просидел год в транзитской каторжной тюрьме и бежал в СССР. Последние два года т. Федотов учился в ИКП литературы, был ударником в ИКП, активнейшим руководителем парторганизации института. Он много писал, напечатал ряд очерков, рассказов в журналах «Октябрь», «Знамя», «Молодая гвардия», успешно над собой работал, рос как пролетарский писатель. За последний год Федотов выпустил две книги для детей: «Пахта» и «Монголия» и подготовил к печати две большие книги о Монголии и Америке. Это был хороший товарищ, крепкий коммунист. Жизнь его — великий пример большой боевой жизни большевика.

Об этой жизни большевика-писателя-политотдела должна быть написана книга. Писатели-инкапсы считают своим долгом эту книгу написать.

ВОЛИН, КОГАН, ВИНТИН, ИСАХ, РОМАНОВ, ВОЙТИНСКИЙ, ДИНАМОВ, ЧАРНЫЙ, СУРКОВ, ЖИГА, ШИПАЧЕВ, НАУМОВ, ТИХОМ ИЛЬИН, ФРЕМОВ, ТУХВАТЛИН, ПЛАТОШКИН, ФРЕНКЕЛЬ, ГАЛИН, КОРАБЕЛЬНИКОВ, АНСИМОВ, ПЛАТОНОВ, ЕГОЛИН.

Ответственный редактор С. ДИНАМОВ
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ

№ 3-4
ЖУРНАЛА
„ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА“

под редакцией М. ГОРЬКОГО

РЕДАКТОРЫ: М. Горький, И. Гурзув, В. Левицкий, Е. Дюбин, (зам. отв. редактора), В. Кирпотин, А. Сельвановский, Л. Турок.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:
С. Валуцкий — Горький о литературе.
УЧЕБА У КЛАССИКОВ
Н. Степанов — Повесть Некрасова.
Н. Степанов — Как писал стихи Некрасова.
А. Сельвановский — Поэты «Искра».
СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.
Р. Миллер-Вульфская — «Социальное чувство» (в творчестве Э. Сингера).

ЯЗЫК И СТИЛЬ
К. Федин — Язык литературы.

МОЛОДЫЕ КАДРЫ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Л. Никитин — «Поход победителей» Л. Соловьева.
И. Григорьев — Сборник начинающих писателей.
А. Жуков — О работе московского литературного клуба.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ ЗА ИЮЛЬ—АВГУСТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:
- К Л А С С И К И
- ГОРЬКИЙ, М. Собрание сочинений, т. XXI и XXII (в одном перепл.), Ц. в перепл. 8 р.
- ГОРЬКИЙ, М. Собрание сочинений, т. XXIII. Ц. в пер. 8 р.
- М А С С О В А Я Б И Б Л И О Т Е К А
- ГОРЬКИЙ, М. На дне. Врши. Иллюстр. худ. Л. Шмарина. Ц. в пер. 1 р. 10 коп.
- ШКОЛЬНАЯ СЕРИЯ
- БОМАРШЕ, П. Безумный день или женитьба Фигаро. Ц. в пер. 80 к.
- ГОГОЛЬ, Н. В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Ц. в пер. 40 к.
- ГОГОЛЬ, Н. В. Ревизор. Ц. в пер. 65 коп.
- КРЫЛОВ, И. А. Избранные басни. Ц. в пер. 35 коп.
- НЕКРАСОВ, И. А. Стихотворения. Ц. в пер. 65 к.
- ОСТРОВСКИЙ, А. Н. Гроза. Ц. в пер. 40 к.
- РЫЛКОВ, К. М. Травчатая история. Ц. в пер. 30 к.
- ШЕКСНИН, Т. Трагическая история о Гамлете — принце датском. Пер. М. Лозинского. Ц. в перепл. 80 к.
- СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- АНТОНОВ-ОВСЕНКО, В. В семнадцатом году. Ц. в пер. 5 р. 50 к.
- АРОСВ, А. Сэрин. Роман. Ц. 3 р. 50 к.
- БАБЕЛЬ, И. Конария. Иллюстр. худ. М. Горман. Ц. в пер. 6 р. 50 к.
- БАХМЕТЬЕВ, В. Плаги. Избранн. произведения. Ц. в пер. 7 р.
- ИЛЬИИ, Б. Тисса горит. Роман. Перев. Н. Яковлевой. Ил. Ш. Ц. в перепл. 4 р. 25 к.
- КАСАТКИИ, И. Избранн. рассказы. Ц. в перепл. 7 р. 25 к.
- ЯШКО, И. Избранные. Обложка, форзац и вставки. Худ. Л. Эппле. Ц. в перепл. 5 р. 50 к.
- МАЛЬНИЦКИЙ, А. Славянская повесть. Иллюстр. худ. В. Милашевского. Ц. в перепл. и футл. 10 р. 50 коп.
- ОГНЕВ, П. Три измерения. Ц. в перепл. 4 р. 50 к.
- СМОТ Р С И Л П о в е с т и, рассказы и стихи начинающих писателей. Ц. в перепл. 3 р. 75 к.
- ТАРЛОВ, М. Окопы. Ц. 3 р. 75 к.
- ТРЕНЬ, Е. Избранн. произведения. Ц. в пер. 4 р. 25 к.
- ШЕРВИНСКИЙ, С. Ост-Индия. Роман. Ц. в пер. 5 р. 25 к.
- ШКОЛЬНАЯ СЕРИЯ
- ЛЯШКО, И. Домашняя пьеса. Ц. в пер. 75 к.
- НЕВЕРОВ, А. Ташкент — город хлебный. Ц. в пер. 65 к.
- СОВРЕМЕННАЯ ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА
- ЛИНКЛЕЙТЕР, Э. Жужа в Америке. Перевод с англ. В. Барбашовой. Предисл. И. Званица. Ц. в пер. 5 р.
- ТВОРЧЕСТВО НАРОДОВ СССР
- ГАЛАВЧ, П. Перепоход на межах. (Слопо на гапалах). Автор. перепл. И. Белорусский. И. Яковича. Ц. в перепл. 2 р. 50 к.
- ГОЛОВКО, К. М. Три брата и роману «Три брата». Перев. с украинск. Ц. в перепл. 3 р. 75 к.
- МАРКИИ, П. Рубеж. Избр. стихи. Перев. с украинск. П. Антокольского. Э. Варницкого и др. Ц. в перепл. 4 р.
- П Ь Е С Ы
- ПОГОДИН, Н. Снег. Комедия в 4 д. Ц. 2 р. 50 к.
- ЧУРКИИ, В. Прорыв в любви. Комедия в 3 д. Ц. 75 к.
- КНИГИ ПРОДАЮТСЯ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ КОГИЗ*